

КРОКОДИЛ

ФАШИСТСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ—Ага! Ясное дело: стахановцы работают до полного изнеможения. Сплось да рядом их после работы выносят из шахты на руках...

Рис. Л. Бродаты

ПРОВЕРЕННЫЙ ИСТОЧНИК

Чижик, Чижик, где ты был?

*На Фонтане водку пил:
Водки рюмку, водки две,
Заснул в голове.*

Еще пил в лодке

В генеральском чине,

Не выпил ни водочки

По этой причине?

Сидел чижик любя,

Туда в клетку посадить.

А тю-тю, а тю-тю,

А в клетку на ходу.

(Услышано 17/XII на Плющихе, 19/XII, в 2 часа дня — на Самотеке, 23/XII, в 9 часов утра, пелось в квартире ответработника М. П. его младшим сыном).

Господин фон Мидрихс, московский представитель фашистского телеграфного агентства «Пфуй», прочел этот документ и строго посмотрел на вдову под черной вуалью:

— Действительно ли это новая нелегальная песня, распеваемая молодежью?

Вдова убежденно перекрестилась мелким крестом и загадочно прошелестела:

— Рекомендую обратить внимание на отдельные слухи, упоминаемые в песне. Очень симптоматично!

— Беру, — сказал господин фон Мидрихс. — Мерси!

— Обязательно пошлите за границу, — взволнованно еще раз прошелестела вдова. — Напечатайте! Так им и надо! Адью!

Господин фон Мидрихс углубился в чтение волнующего документа. Сегодня вообще был плодотворный день. Из об-явления о моментальных карточках для документов удалось сделать слух о введении карточной системы. Даже скромный плакат из театральной уборной «Курить воспрещается» послужил для сенсационной телеграммы о табачном кризисе в СССР. Нечего и говорить о том, что из ряда пышных лозунгов Утильсырья о сборе старых калош были наскоро сколочены телеграммы об ужасах экономического кризиса Советов.

Господин представитель агентства «Пфуй» вызвал секретаря.

— Переведите.

Через десять минут прозаический перевод новой нелегальной песни советской молодежи (до восьми лет включительно) был уже готов. Господин фон Мидрихс закурил добрую советскую папиросу, накинул теплую пижаму из Мос-торга и стал внимательно расшифровывать переведенный документ, делая на полях пометки:

НЕКИЙ ЧИЖИКОВ БЫЛ НЕИЗВЕСТНО ГДЕ. ЕГО ВИДЕЛИ В РЕСТОРАНЕ С ФОНТАНОМ.

Таинственный отъезд комиссара Чижикова.

Ресторан с фонтаном — место встреч антисоветских заговорщиков.

ОН ВЫПИЛ ТОЛЬКО ДВЕ РЮМКИ, ЗА ЧТО ЕГО УДАРИЛИ ПО ГОЛОВЕ.

Намек на запрещение пить больше двух рюмок для взрослого населения.

В КАЧЕСТВЕ ГЕНЕРАЛА ОН НАХОДИЛСЯ В ЛОДКЕ (ПОДВОДНОЙ?).

Подводные лодки в Москве-реке. Обратить внимание.

ПО ЭТОМУ ПОВОДУ БЫЛ РАУТ СО СПИРТНЫМИ НАПИТКАМИ.

Непонятно, но телеграмму все же дать.

НАЧАТЫ ПОИСКИ ЧИЖИКОВА С ЦЕЛЬЮ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В КЛЕТКУ.

Чижиков оказался атаманом. 1000 рублей за его голову. (Сенсация).

«А ТЮ-ТЮ, А ТЮ-ТЮ» (НЕПЕРЕВОДИМАЯ ИГРА СЛОВ, ПОВИДИМОМУ, ЛОЗУНГ ГОТОВЯЩЕГОСЯ ВОССТАНИЯ).

Готовится восстание под лозунгом «А тю-тю» (в переводе на русский язык означает: уплата довоенных долгов, возвращение концессий и отдача Прибалтики).

ЧИЖИКОВ СКРЫВАЕТСЯ И НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ АРЕСТОВАННЫМ.

Атаман Чижиков в надежном месте.

— Великолепно, — удовлетворенно потянулся господин фон Мидрихс, — теперь агентство «Пфуй» обеспечено сенсационными телеграммами. Я не даром кушаю советский хлеб на свое жалованье! Господин секретарь, составьте кое-что по прилагаемому списку...

Поздно вечером в агентство «Пфуй» были посланы следующие телеграммы:

СЛЕД НАЙДЕН

МОСКВА, 25/XII. ВАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ УДАЛОСЬ УЗНАТЬ, ЧТО ТАИНСТВЕННЫЙ КОМИССАР ЧИЖИКОВ, ОРГАНИЗАТОР ПОЖАРА РЕЙХСТАГА, ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ В КАЛАБРИИ, А ТАКЖЕ МАСЛЯНОГО КРИЗИСА В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ, НАХОДИТСЯ В МОСКВЕ.

ТАИНСТВЕННЫЙ РЕСТОРАН

МОСКВА, 25/XII (АГЕНТСТВО „ПФУЙ“). ВЛАСТЯМИ ЗАКРЫТ ФОНТАН ПРИ ОДНОМ РЕСТОРАНЕ В ОДНОМ ГОРОДЕ. ВАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ УДАЛОСЬ УЗНАТЬ, ЧТО В ФОНТАНЕ СОБИРАЛИСЬ ЗАГОВОРЩИКИ. ЭТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТМЕЧЕННОЕ РАУТОМ, НАХОДИТСЯ В СВЯЗИ С ПОЯВЛЕНИЕМ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК С ГЕНЕРАЛАМИ ОКОЛО МОСКВОРЕЦКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

ЗАПАСЫ СПИРТА ИСЧЕЗЛИ

МОСКВА, 25/XII (СПЕЦ. КОРР. АГЕНТСТВА „ПФУЙ“). К НОВОМУ ГОДУ ЗАПРЕЩЕНО ПОТРЕБЛЕНИЕ ВОДКИ БОЛЬШЕ ДВУХ РЮМОК НА ОДНУ ВЗРОСЛУЮ ДУШУ. НЕВЗРОСЛАЯ ДУША ПОЛУЧАЕТ ПОЛРЮМКИ И БЕЗ ЗАКУСКИ. НАСЕЛЕНИЕ ВОЛНУЕТСЯ.

ВСПЫХНУТНЕ АТАМАНЩИНЫ

МОСКВА, 25/XII (РАДИО—„ПФУЙ“). БЫВШИЙ КОМИССАР ЧИЖИКОВ, АВТОР КАЛАБРИНСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ И ОСОБО УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО РЕВОЛЮЦИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ, ОКАЗАЛСЯ АТАМАНОМ. БУДУЧИ БЕЗ ВОЙСК, ВРЕМЕННО НЕ ФУНКЦИОНИРУЕТ, НО ГОТОВИТСЯ.

ДВИЖЕНИЕ РАСТЕТ

(НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ, НО ДЛЯ СВЕДЕНИЯ)

МОСКВА, 25/XII. НАИДЕННЫ СЛЕДЫ МОЩНОЙ АНТИСОВЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ „А ТЮ-ТЮ“. ЛИЧНЫХ ВСТРЕЧ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ НЕ ИМЕЛ, НО НАДЕЮСЬ. ПРОГРАММА ОРГАНИЗАЦИИ ПРИЕМЛЕМАЯ. ВЫДАЛ ПОД ДАЛЬНЕЙШУЮ ИНФОРМАЦИЮ АВАНС ВДОВЕ БЫВШЕГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА, ГОСПОЖЕ Р., ФЛАКОН ОДЕКОЛОНА „КРАСНАЯ МОСКВА“, ЗАМЕНИВ МЕСТНУЮ ЭТИКЕТКУ ИМПОРТНОЙ. ЧИЖИКОВ СКРЫВАЕТСЯ.

Господин фон Мидрихс прочитал дубликаты телеграмм, счастливо улыбнулся и пошел ужинать. Трудовой день закончился.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ШУТКИ ГАШЕКА

Ярослав Гашек, автор «Бравого солдата Швейка», умер давно, но он до сих пор жив в сознании прагаков, и не только жив, но и спорен.

Вас в Праге сводят к Франку Зауэру, уже старому, опустившемуся ремесленнику, который был прототипом Швейка. Покажут пивнушку, где дневал, а то и ночевал в последние годы своей жизни Гашек, которому не нашлось иного места по возвращении на родину после окончания войны.

Вы увидите в книжных витринах биографические книги о Гашеке и сборники анекдотов о нем. Вы окунетесь в споры о Швейке, перерастающие в общий спор о ведущем национальном типе чеха, вы встретитесь с людьми, которые знали Гашека, с ним вместе работали, писали, судачили, смеялись. И всегда эти люди вспыхнут огоньком свежего интереса и, порывшись в своей памяти, с истинно пражским, неистощимым юмором достанут еще что-нибудь, говорящее об этом большом человеке и писателе, который в то же самое время, в условиях буржуазного общества, был и величайшим мистификатором, неизменно держащим наготове жало своей мистификации направленным на угнетателя, на бюрократа, на самодовольного мещанина.

Мне рассказывал писатель-юморист Йозеф Мах, человек с очень напряженно серьезными глазами, в очках, со смешливо дергающимся ртом, друг Гашека, о его мистификаторских проделках.

1915 год. Приступ шпиономании в Австрии. Подозрительность. В каждом готовы видеть русского шпиона.

Гашек приезжает в Прагу как раз в эти дни. Он снимает номер в прекрасной гостинице и пишет в анкете:

«1) Имя, отчество и фамилия—Николай Николаевич Абрамов.

2) Род занятий—Русский шпион...».

Через полчаса полицейские и сыщики врываются в гостиницу. Увы, это Гашек, известный им давно своими проделками Гашек! Уходят отплевываясь.

Еще раньше, в конце 1914 года, Гашек в переполненном кафе протискивается к сияющему формой офицеру и задает ему бестактнейший по тем временам вопрос:

«Не говорит ли господин офицер по-русски?»

Офицер вскакивает разъяренный. Официанты тащат Гашека к выходу, но Гашек успевает бросить через весь зал офицеру: «Смотри, ты еще захочешь учиться этому языку, каналья!»

Гашек задолжал в пивнушке сверх меры. Хозяин его выгнал. Он пришел в полицию, вызвал пристава, долго жаловался ему на бесчеловечное обращение хозяев пивнушки и, наконец, уговорил того пойти расследовать инцидент на месте.

Они сели с приставом за стол. Гашек на минуту куда-то отлучился, а затем на стол стали подавать разные блюда.

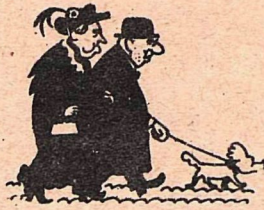
«Вот видите, — отечески сказал пристав, совсем утихомирившемуся и с аппетитом кушающему Гашеку, — а вы говорите, что вас здесь обижают, что хозяева — ужасные люди. Почему они ужасные? Я этого не вижу».

«Вы это увидите, когда начнете расплачиваться за этот обед, ибо у меня в кармане нет ни одного хеллера».

И Гашек был выкинут из пивной снова совместными усилиями хозяина и пристава, но на этот раз сытый.

Почтеннейшая чета престарелых горожан выходила по-

сле болтовни за чашкой кофе из кафе, ведя на поводке собачонку.

Находившийся тут же Гашек пристал к ним, стараясь быть возможно более громогласным и привлекая внимание улицы.

Он возмущенно ораторствовал:

«Как вам не стыдно! Сами разделись, разоделись в шубы, а собачка у вас без попонки! Никакого милосердия к животным! Мучители! А вы знаете, — тремел он дальше, — что, по закону 1883 года, каждый гражданин обязан одевать свою собачку в попону?!»

И смакуя подлинный страх, набежавший на лица владельцев собачки, почувствовавших себя законопреступниками, он закончил:

«По кафе шляться — у вас деньги есть, а вот чтобы бессловесной твари помочь, — на это вас не хватает!»

Однажды Гашек организовал лекцию на тему о древесине. Она привлекла много мелкого ремесленного люда: мебельщиков, столяров, плотников, заинтересовавшихся темой по специальности. Они три часа с совершенным вниманием слушали, пока их мистифицировал Гашек, рассказывая о пяти основных видах дерева:

- 1) Дерево твердое.
  - 2) Дерево мягкое.
  - 3) Дерево сладкое (так называется по-немецки сладкий корень, который дают сосать младенцам).
  - 4) Дерево сверленое (это по-немецки значит «дурак»).
- И, наконец,
- 5) «Дерево честного и животворящего креста».

В другой раз Гашек создал общество борьбы против укорочения сосисок. Он вел пламенные беседы в пивной о том, что торговцы с злым намерением укорачивают сосиски, тем самым покушаясь на права потребителей.

На удочку этой мистификации попалось изрядное количество простаков, заподозривших здесь действительно неладное. Когда их набралось много, Гашек открыл собрание и разразился гневной речью против своих же последователей, назвав их олухами, которые готовы верить любой глупости. А произнеся это, предусмотрительно скрылся от мест через заднюю дверь.

Шли выборы в австрийский парламент. Кандидаты партий выступали на собраниях. Газеты писали предвыборные статьи. Шло задабривание избирателей.

Гашек предложил своим приятелям, завсегдашним пролетарской харчевни, тоже организовать партию и выступить на выборах. В партии было только 16 человек.

Эта партия называлась (так она была и зарегистрирована в соответствующих инстанциях) «Партия последовательного прогресса в рамках закона».

Программа ее содержала три иронических лозунга:

- 1) «Построже с бедняками!»
- 2) «Сберегательные кассы — в руки духовенства!»
- 3) «Всех дворников — на государственную службу!»

Вместо выступлений в специально нанятых залах речи произносились тут же, в харчевне. А за неимением собственных органов печати воззвания и объявления выставлялись тут же, в витрине:

«Любой ценой требуются триста граждан в качестве избирателей».

Или:

«Нужен очень добропорядочный молодой человек на предмет оклеветывания политических противников. Плата по соглашению».

Впрочем, в парламент Гашек не прошел. Он получил 16 голосов.

С. ТРЕТЬЯКОВ

О С Л А В Е

От тебя-то я не скрою,
Расскажу тебе одной:
Иностранного покроя
Есть костюмчик выходной.

Модный. Новый. Как с иголки!
Не костюм — смертельный яд.
От такого комсомолки
На ногах с трудом стоят.

Только мне, скажи на милость,
Мне-то что в веселых, в них,
Если ты остановилась
На петлицах голубых?

А меня от них чего-то
Нынче тянет на кровать.
Выходной... А неохота
Новой тройки одевать.

Лягу я. Сомкну ресницы.
Позабуду про Москву.
Пусть мне что-нибудь приснится,
То, что будет наяву,

Я не легчик, я не бравый,
Но мне кажется: в Москве
Все мы, девушка, от славы
На каком-то волоске.

Я проснусь. Глаза открою,
И, глядишь, в другой судьбе
Парень штатского покроя
Станет нравиться тебе.

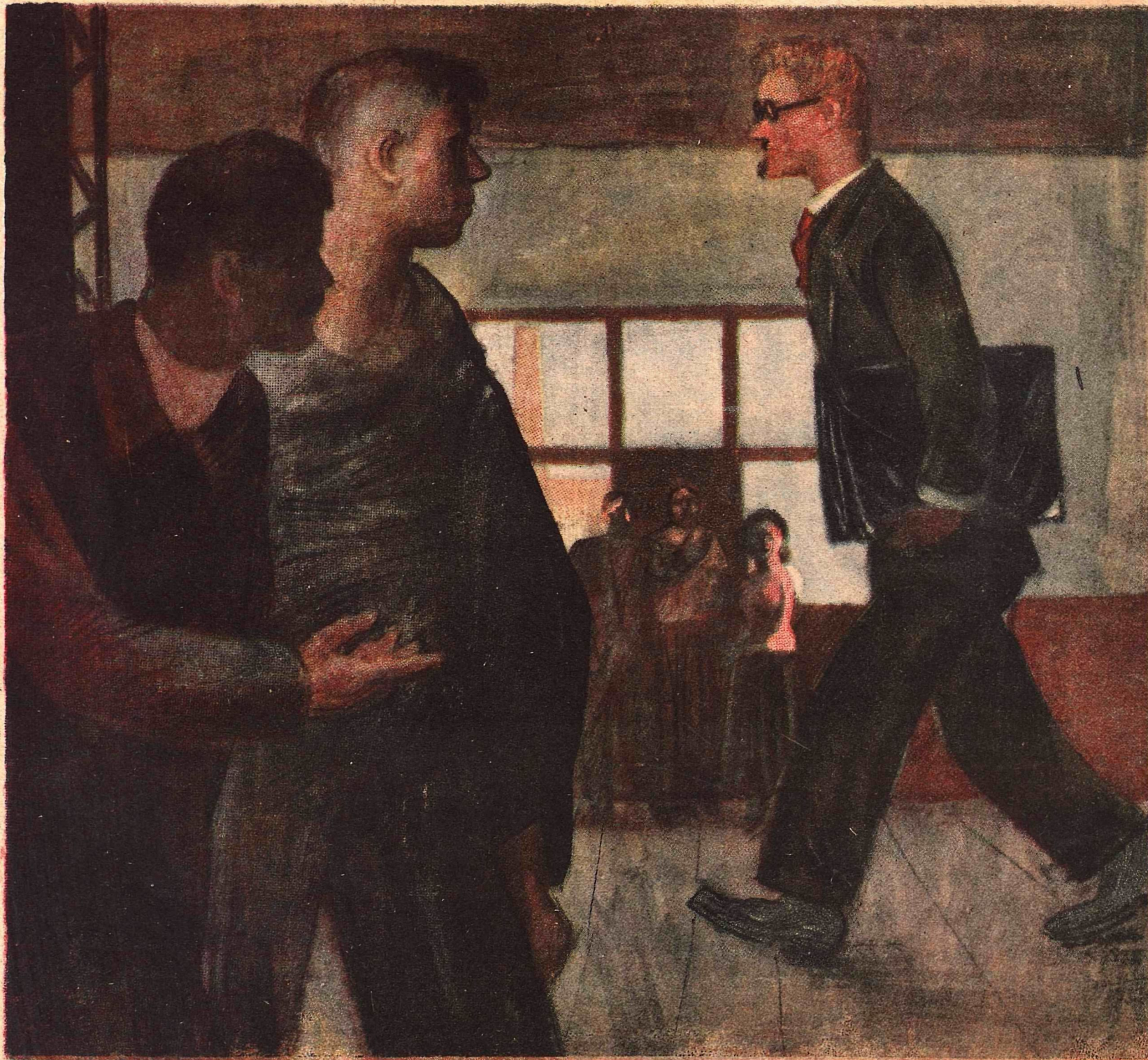
Я тогда обед устрою.
Тройку вытасу опять!

Или, может быть, не стоит
Беспокоиться и спать?..

ИОСИФ УТКИН

З Н А Т Н Ы Й Ч Е Л О В Е К З А В О Д А

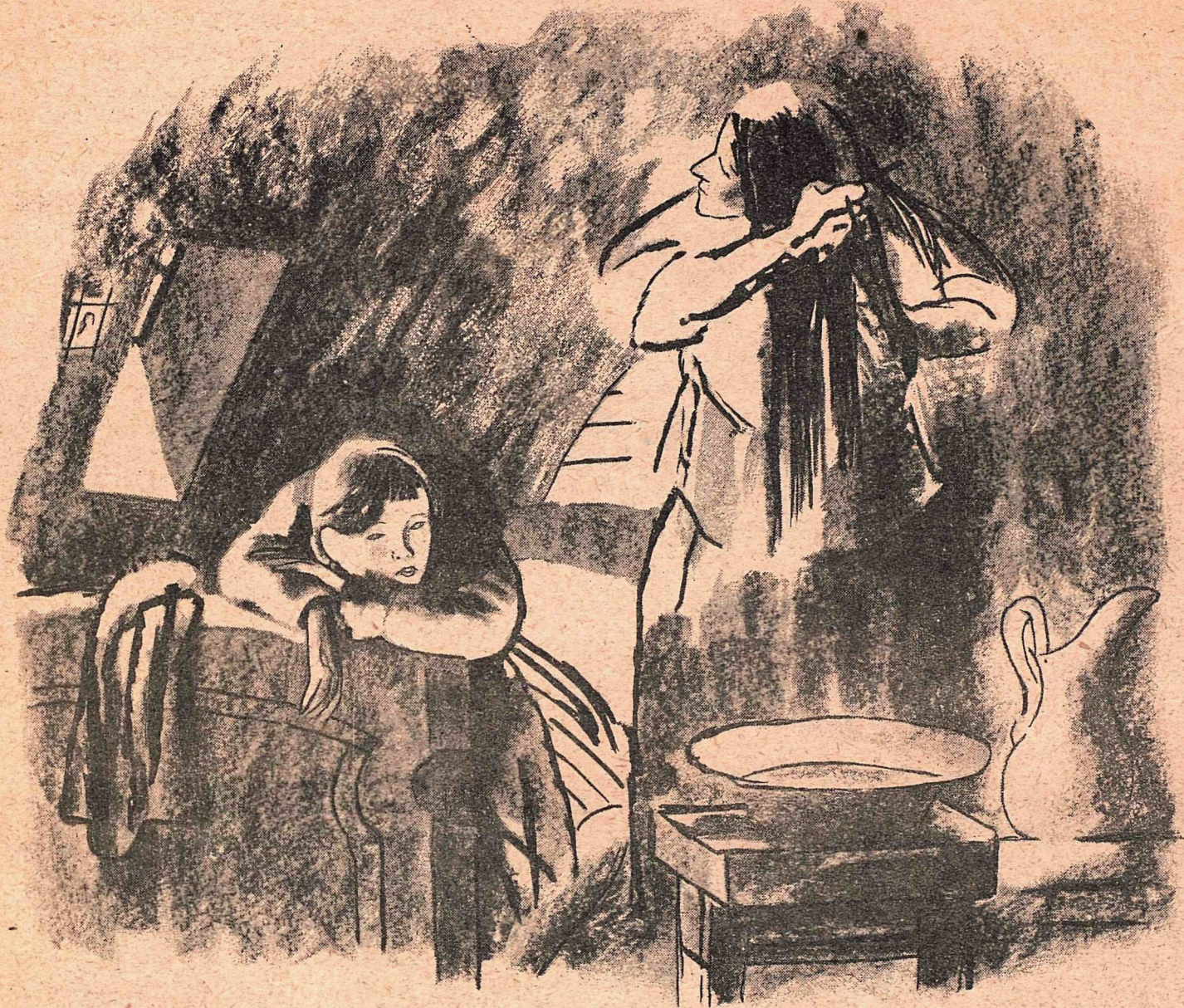
Рис. М. Черемных

— Вот этот человек составил книгу, которая блестяще отразила состояние завода.
— Кто он — писатель?
— Нет, бухгалтер.

Рис. Л. Сойфертиса

В Польше на государственных заводах проведено массовое увольнение замужних женщин.

- Смотри, выйдешь замуж—пан-хозяин уволит с работы!
- Да, но я его так люблю...
- Подумаешь! Любимого человека ты всегда найдешь, а работу—попробуй!.

ТРЕУГОЛЬНИК

Каждый день трамвайная вагоновожатая Маша — жена милиционера — чистила перчатки мужа и бранилась:

— Знаю, для чего тебе нужно, чтоб они сияли и сверкали. Для курносой той. Ну, погоди же!..

— Маша! — убеждающе говорил милиционер. — Я человек общественный, на посту. Есть мне время со стрелочницей заниматься!

— Есть, есть, есть! — кричала Маша. — Что я слепая, не вижу? Десять раз мимо вас проеду. Все вижу, как ты ей пальчиком машешь!

— Тьфу!

— Так и охота трамвай остановить, выхватить у нее няюку, да отворить ее: дескать, не блуды, не блуды, не блуды!

Маша бросала на стол перчатки, вычищенные бензином:

— Иди, прельщай. При всем параде. И еще бредется. Полную красу для такой шпиниги наводит...

Каждый день Маша проезжала по несколько раз мимо мужа и трамвайной стрелочницы. Стрелочница и муж стояли рядом. Муж, показывая дорогу, лихо, отчетливо поворачивался, размахивал рукой. Был он при этом веселый, красивый, румяный.

У Маши щемило сердце.

«Перед ней это крутится, чорт!.. Дома, небось, не крутится так...»

Маша начинала со злобы давать отчаянные звонки, буксовала, иногда останавливалась, выглядывала. Муж и стрелочница над чем-то смеялись. Маша сердито оборачивалась, спрашивала у вошедшего с передней площадки карточку, потом так дергала рукоятку мотора вперед, что стоявшие в трамвае посыпались как кегли.

Вчера Маша пришла домой веселая и сразу принялась за перчатки.

— Давай, Ваня, почищу.

— Еще ничего. Чистые.

— Нет. Отчего же... Такая радость.

— Какая это радость?

— А такая: с твоего угла стрелочницу убирают. Будет автоматическая стрелка. Да, да-с!..

Теперь Маша спокойно проезжает мимо мужа. Он стоит один на углу. Видя, как муж лихо поворачивается, размахивает белоснежной перчаткой, Маша думает:

«Это он для меня...»

СТАРЫЙ ЗАКАЛ

Хотел он уйти с середины спектакля, но жалко было денег. Он сидел и брюзжал про себя:

— Чорт знает, что делают?! Совсем искалечили классика!.. Ни черта не разберешь! Где тут Чацкий, где Фамусов?! И это новаторство?! Штукарство!..

Когда спустился занавес после заключительного действия, он не выдержал и сказал вслух:

— Жаль—свистеть нельзя, а то бы посвистел!.. Издевательство над классиком!.. Новаторы!.. Губят искусство!.. Где здесь Фамусов, где Чацкий, чорт разберет... Трюкачество!..

— Позвольте,—удивился сосед.—Какой Чацкий, какой Фамусов?

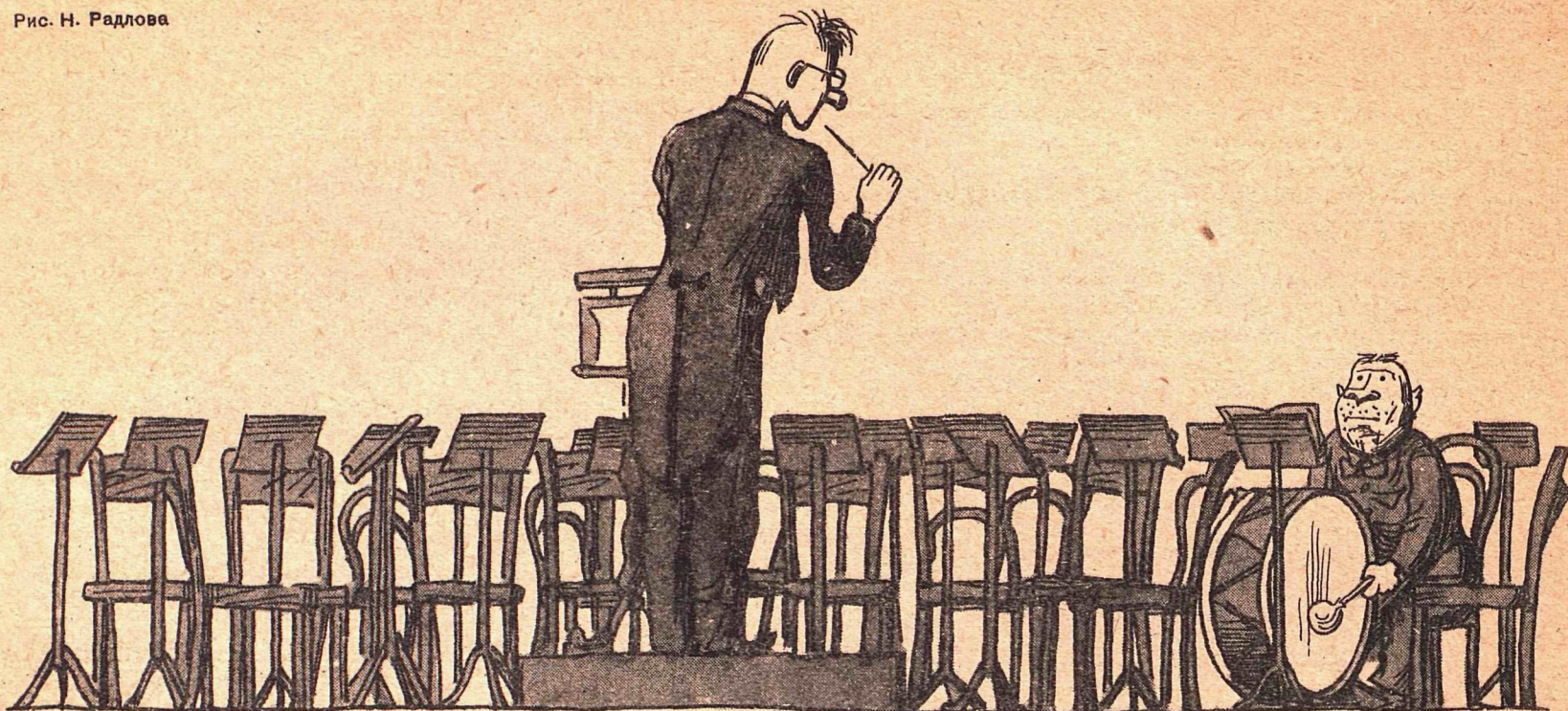
— Такой. Что я не знаю, кто в «Горе от ума» участвует.

— Да ведь спектакль сегодня заменен... Это же «Гроза»... и показан на аншлаги: «По случаю болезни актера... вместо... пойдет... Билеты действительны...»

— «Гроза»? — сказал недовольный. — То-то я смотрю: каворчено что-то, а что — не разберешь...

В. Т.

Рис. Н. Радлова

— Если остальные музыканты не придут через пять минут—все равно начнем увертюру!

ЗЫБКИЙ КОМФОРТ

1. ХРОНИКА В ВЕЧЕРНЕЙ ГАЗЕТЕ

Скоро открывается специальный магазин для продажи одних только пуговиц. В нем можно будет купить пуговицы для белья, для костюмов, верхнего платья, меховых шапок, головных уборов, обуви; пуговицы для мебели, портьер, занавесов, попона, крышек, чехлов, приводных ремней, парусов, спасательных кругов, брезентовых ведер; пуговицы для облицовки домов, для окон, дверей, тротуаров, мостовых и набережных. В магазине будут пуговицы перламутровые, металлические, кожаные, деревянные, каменные, роговые, кокосовые, пластмассовые, керамические, стеклянные, костяные, хрящевидные, железобетонные, цементные, асбестовые, шлаковые, бутловые, кирпичные, черноземные, минеральные, растительные, рыбьи, животные, твердые, жидкие, газобразные. Пуговицы всех размеров — от миллиметра до 2 метров. Пуговицы автоматические, пришивные, на гвоздях, на клею, на дратве, на шурупах и сварные. По желанию тут же в магазине будут пришивать купленные пу-

говицы покупателю или третьим лицам, по его указанию.

Сегодня на отдельном грузовике привезли огромную пуговицу для витрины. Она весит 2,5 тонны, ее диаметр — 3,7 метра, толщина — 73 сантиметра.

Магазин заново отделан в ассирийско-вавилонском вкусе: своды, колонны, карнизы. Скульптором Антюхиным исполнен в этом же стиле барельеф такого содержания: крылатый бык с лицом Сарданапала пришивает покрытую глинописью пуговицу к кончику своего хвоста.

Персонал магазина будет одет в специальные вавилонские костюмы. Балетмейстер Н. Крап обучала продавщиц общепринятым в древней Ассирии движениям и жестам. Решено, однако, что первое время в этом магазине будут говорить не по-ассирийски, а по-русски.

На днях состоится торжественное открытие магазина. В день открытия будет играть джаз, покупателям будет предложено угощение и подарки дамам. Вой конфетти, серпантин. Танцы перед прилавками.

2. ОТКРЫТИЕ

— ...и, заканчивая свою речь, я еще раз отмечу, что если при царизме пуговица задыхалась, то теперь перед нею лежит именно широкая дорога именно ширпотреба!.. А сейчас, товарищи, прошу всех принять участие в закуске, после которой начнется продажа наших товаров. Я кончил!..

— Ну красота!.. Какой магазинище отгрохали, это что, а?

— Не слышу! Музыка все заглушает!..

— Ма-га-зин, говорю, от-гро-ха-ли, говорю, кра-со-та!

— А... это... да... Придется что-нибудь купить: неудобно так-то...

— А что ж? И купим. Вот еще по бутерброду с'едим и купим... У меня как раз не хватает для помочей одной пуговицы.

— Нет, вы глядите, глядите: какой швейцар! Ну где они нашли такого ассирийца?.. Борода вся мелкими кольчиками, как на той вон статуе!..

— Товарищ швейцар, у вас, извините, волос сам вьется или, так сказать, по распоряжению дирекции?

— Нет, это перманент, конечно, полугодовик. 63 локона за счет дирекции. Для ради вавилонства... Милости просим, заходите, заходите, граждане!..

— Нет, вы на продавщицу поглядите, как они руками колдуют! Откуда такая грация?

— Значит, им за это платят.

— Вы что желаете, гражданка?

— Мне пуговиц...

— Каких?

— Ммм... и сама не знаю... к платью... каких-нибудь треугольничных... беленьких...

— Могу вам предложить белые треугольные, треугольные небелые, нетрехугольные белые, небелые треугольные в таком духе... в таком... в таком... вот этого размера... этого... этого... еще этого... и, если хотите, вот этого... Швейцар, подайте стул, кажется, гражданке дурно!.. Что, в глазах зарыбило? Это бывает, когда много товару...

— А вас я попрошу что-нибудь написать о нашем магазине в эту книгу!

— Позвольте... Это же для почетных посетителей, а я человек простой...

— Нет, нет, нет, непременно! У нас все, все пишут!.. Вот видите, поэт Иван Шершавый записал:

«От восторга пал я ниц
В этом храме пуговиц!..»

— Замечательно!

— А вот, не угодно ли: профессор Хлябов пишет: «Когда я думаю, что вся моя жизнь прошла в окружении сереньких пуговиц прошлого, я готов рыдать как ребенок. Заслужают науки Вс. Хлябов». Ну, ну, пишите, пишите!..

— Где ваш образчик пуговицы?.. Дайте его сюда! Вот видите: я бросаю ваш образчик в урну, и — слушайте меня — вот я откладываю вам две дюжины оригинальных черепичных пуговиц заграничного фасона «пуп зулуса». Если они не подойдут, мы возмещаем цену пуговиц, ниток и работы по пришиванию и метанию петель! Полная гарантия!

— Тебе чего, мальчик? Пуговиц захотелось?

— Я так, дяденька... я сейчас уйду.

— Не надо! Не уходи, мальчик! Лучше с'ешь вот это пи-

рожное. Так. Теперь выпей рюмочку, детка, за процветание нашего магазина... Кто-нибудь... товарищ Варенцова... или вы, Анна Сергеевна, дайте мальчику полдюжины пуговиц-бубенцов. Бесплатно, как премию... Бери, бери, детка, не стесняйся!..

3. ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ

— Граждане, вы или входите или проходите дальше... тоже не леги — дверь распахнута держать!
— Сейчас, товарищ швейцар...
— Я знаю, что я товарищ швейцар... Да вы почему дверь за собой не закрываете?.. Швейцаров для вас тут нету!.. То-то!..
— Дяденька, зачем у тебя в бороде мусор?
— Вот я тебя, постреленок!.. Нешто это мыслимо: каждый день 63 локон прочесывать... Мусор!.. Пушай мне теперь за вывозку этого мусора отдельно платят.
— Для мужского пальто пуговицы есть!
— Нету.
— Простите, не слышу...
— Нету!..
— Ничего не слышу! Кто это у вас так кричит? Слова нельзя разобрать!..
— Это у-бор-щи-цы! О-ни там спо-рят! Спо-рят, ко-му у-би-рать ма-га-зин!
— А-а... А есть ли у вас пу-го-ви-цы для паль-то? Мужско-го!
— Я же го-во-ри-ла: не-ту!.. Ффу, замолчали... Верите ли: третий час лаютя.
— А когда еще будут?
— Да, может, сию минуту опять подерутся.
— Нет, я — про пуговицы. Когда будут?
— Это неизвестно...

— Может, все-таки есть что-нибудь подходящее? Вот образчик, посмотрите.

— Что я буду на ваши образчики глазеть?.. Пуговица и пуговица...
— Гмм... А вон наверху, в зеленой коробке, не то?
— Не то.
— Может быть, покажете, а?
— Я вам говорю: не то!
— Все-таки покажите!
— Тьфу ты! Ну и характер... Ну, нате вам... наге... Ай, чорт!.. Держите!..
— Ой-ой!.. Осторожней надо! Что ж вы мне по голове коробкой?.. Ловкость, знаете ли... Грация!
— Я же предупреждала: не то будет!
— Чорт знает что... Где у вас жалобная книга?
— У заведующего. С ним и говорите.
— Что такое? О чем речь?
— Вы заведующий?
— Ну, я.
— Дайте мне жалобную книгу! Мало того, что товара нет, еще и по голове дупят покупателя!
— Ну и что? Дайте им книгу. Жаловались уже такие... Не больно, знаете, боимся.
— Что такое... тут стихи какие-то... «От восторга пал я ниц в этом храме пуговиц».
— Ну да, стихи. А вы переверните. С другой стороны — аккурат жалобная книга... Тебе чего, мальчик?
— Мне пуговичек...
— Знаю я, за какими пуговичками ты пришел! Швейцар, гони его, гони, гони без разговоров!.. Сколько раз говорено: видишь ребенок идет, значит, на улице еще по затылку его, по затылку, чтобы не лез зря в магазин... Гражданин, кончайте писать, все-таки не роман пишете, а жалобу!..

В. АРДОВ

ГЕРОЙ ПОСТОЯНСТВА

Рис. Л. Соифертиса

— Я, Анна Ивановна, человек постоянный: бреюсь всегда у одного парикмахера, шью всегда у одного и того же портного и развожусь всегда в одном и том же загсе!..

НЮАНСЫ И ОТЗВУКИ

— Искусство не любит торопливости, — директивно сказал режиссер Казбеков, возвращаясь после трехмесячной творческой командировки в подмосковной даче. — Возьмите хотя бы античную древность. Сколько времени ставили пьесу ассиро-вавилоняне? А финикийцы? Типичный финикийский фарс ставился не меньше века. Зато какой успех у публики! Никаких скороспелок!

И спокойно приступил к творческой работе. Театр уже полтора года репетировал чеховскую «Свадьбу».

Первые два месяца «Свадьбу» читали актерам в интимной обстановке театрального фойе. Сначала читали полным голосом, потом в полутонах, с придыханьем, потом зловещим шопотом, чтобы актеры почувствовали веяние чеховской эпохи. В последний раз ее деликом пропел группе специально приглашенный гуслир под аккомпанемент пастушьих дудок и двух пар кастаньет.

— Теперь пора вскрыть текст, — согласился режиссер Казбеков. — Перейдем к нюансам и отзвукам.

Телеграфиста Ятя начали приучать к работе на аппарате Морзе. Акушерка Змеюкина обязалась присутствовать на четырех преждевременных родах, чтобы усвоить в голосе профессиональный тембр. Репетиции временно приостановили.

Несколько сложнее было с Харлампием Спиридоновичем Дымбой, греком-кондитером.

— Вас надо пропитать древней Элладой, — сурово сказал актеру, игравшему Дымбу, Казбеков. — Вы должны почувствовать Афины. В вас должен чувствоваться Балканский полуостров. Помните, что вы: а) кондитер и, главное, б) грек.

Специально приглашенный профессор прочитал группе легкий цикл лекций о состоянии кондитерского ремесла на заре европейской истории. Группа записывала мелким почерком года и выражения и в порядке творческой помощи Дымбе три декады разговаривала между собой с греческим акцентом.

Незаметно проходил год.

— Скоро приступим к выявлению характера спектакля, — предупредил Казбеков, — у меня в наметке три плана постановки: или в порядке феерии, с введением балета и бенгальского огня, или бытовой, с перенесением его на отмели Камы, или в древне-татарском стиле, с выездом жениховой мамы на неоседланной лошади. Я полагаю, что через год спектакль вчерне может быть готов. Я не люблю скороспелок.

А в театре пока что шел единственный спектакль «Буржуйка» — пьеса в 8 действиях, с выстрелами и гармошкой, постановки 1919 года. В зрительном зале сидели отдаленные родственники билетеров, приезжие, оставшиеся без номеров, и незанятая часть труппы.

— Сегодня недурной сбор, — с тоскливым урчаньем в голосе говорил главный администратор. — Всего минус четыреста восемьдесят. Вчера было хуже: минус девятьсот тридцать. Хоть бы одну новую пьеску!..

— В будущем сезоне, — успокаивал его Казбеков, — уже намечен к постановке Фукидид. Древний автор. С морем, превращениями и струнной музыкой. Летом поеду осваивать отливы и приливы. А также дышать древностью. Я не люблю скороспелок.

После 1073-го спектакля «Буржуйки», когда в зри-

тельном зале оказался один оставшийся со вчерашнего дня посетитель, а в холодной кассе ела простоквашу и беззвучно плакала кассирша, труппа потребовала новой пьесы. Труппа стучала ногами, цитировала вечерние и утренние газеты, рвала на себе крахмальное белье и, наконец, победила: Казбеков сдался.

— Подчиняюсь насилью, — глухо сказал он, — зовите авторов.

Авторы пришли с утра. Некоторые даже еще не пили чаю и на ходу закусывали баранками. Один предлагал готовую комедию из жизни акцизных чиновников конца восьмидесятых годов, с куплетами и разоблачительным текстом. Другой клялся переделать к концу месяца в элободневное обозрение послание от апостола Луки. Третий, высоко вздымая рукопись, убеждал помощника режиссера, что у него уже закончен первый акт пьесы из жизни поэта Баркова. И, как это всегда бывает, неожиданно четвертый заявил:

— Могу предложить свою. Три акта. Восемь действующих лиц. Действие в одной комнате. Пропущено Главреперткомом.

Пьесу прочли группе. Читал сам автор голосом, похожим на гуденье мелкой пилы на лесопильном заводе. Он путал страницы, залил рукопись водой из графина, убито смотрел на Казбекова — и все-таки пьеса оказалась хорошей.

Автору долго пожимали руки, и он виновато извинялся.

— Ставим, — авторитетно сказал Казбеков. — К концу будущего сезона ваша пьеса будет усвоена. Я не люблю скороспелок.

Труппа глухо зарычала.

— Эгон Карпович! — взмолился премьер. — Да ведь все же действующих же лиц же... Ведь всего же одна же декорация же... Эгон Карпович же... зачем будущий год?

Казбеков презрительно улыбнулся и вышел.

Через полторы декады директор театра вполголоса разговаривал с труппой у себя в кабинете. Глаза у него были потухшие, и к левой губе безнадежно приклеилась папироса.

— Уважаемый Эгон Карпович уже выработал схемку будущего спектакля... Весной — цикл лекций по земляным работам: в пьесе домработница Степанида — дочь землекопа. К лету будем проходить массовое пребывание под дождем: по ходу пьесы во втором акте за сценой дождь. В третьем — лай собак. Придется съездить в собачий питомник — освоить.

Поедете вы, Семен Семенович, и вы, Глафира Андреевна. Вспомогательный состав останется на месте изучать городскую автотранспорт: в первом акте герой говорит о пинах. Остальные до конца будущего сезона пока свободны...

Прилипшая папироска уныло упала с директорской губы на ковер.

Труппа молча расходилась. Надо было уже гримироваться. В 1847-й раз шла «Буржуйка». Одиноким зритель ходил по фойе и тайком курил.

А Казбеков сидел у приятеля, кинорежиссера Шпинка, и обиженно говорил хозяйке:

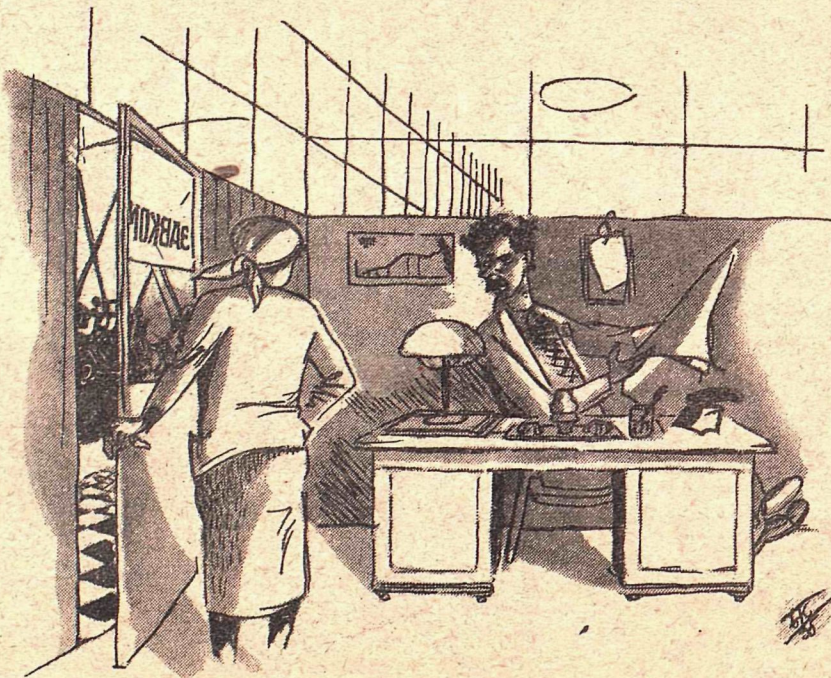
— В три месяца пьесу ставить! Видал ты что-нибудь подобное? Нет, господа, нет! Искусство и темпы — это несовместимо! Да-с!

И Шпник сочувственно успокоил Казбекова:

— Я тоже не люблю скороспелок! Бред!

Ари. БУХОВ

Рис. Б. Клинка

— А ты знаешь фамилии стахановцев своего завода?
— Еще бы! Что я газет не читаю, что ли?!

В ТЕСНОТЕ ДА НЕ В УБЫТКЕ

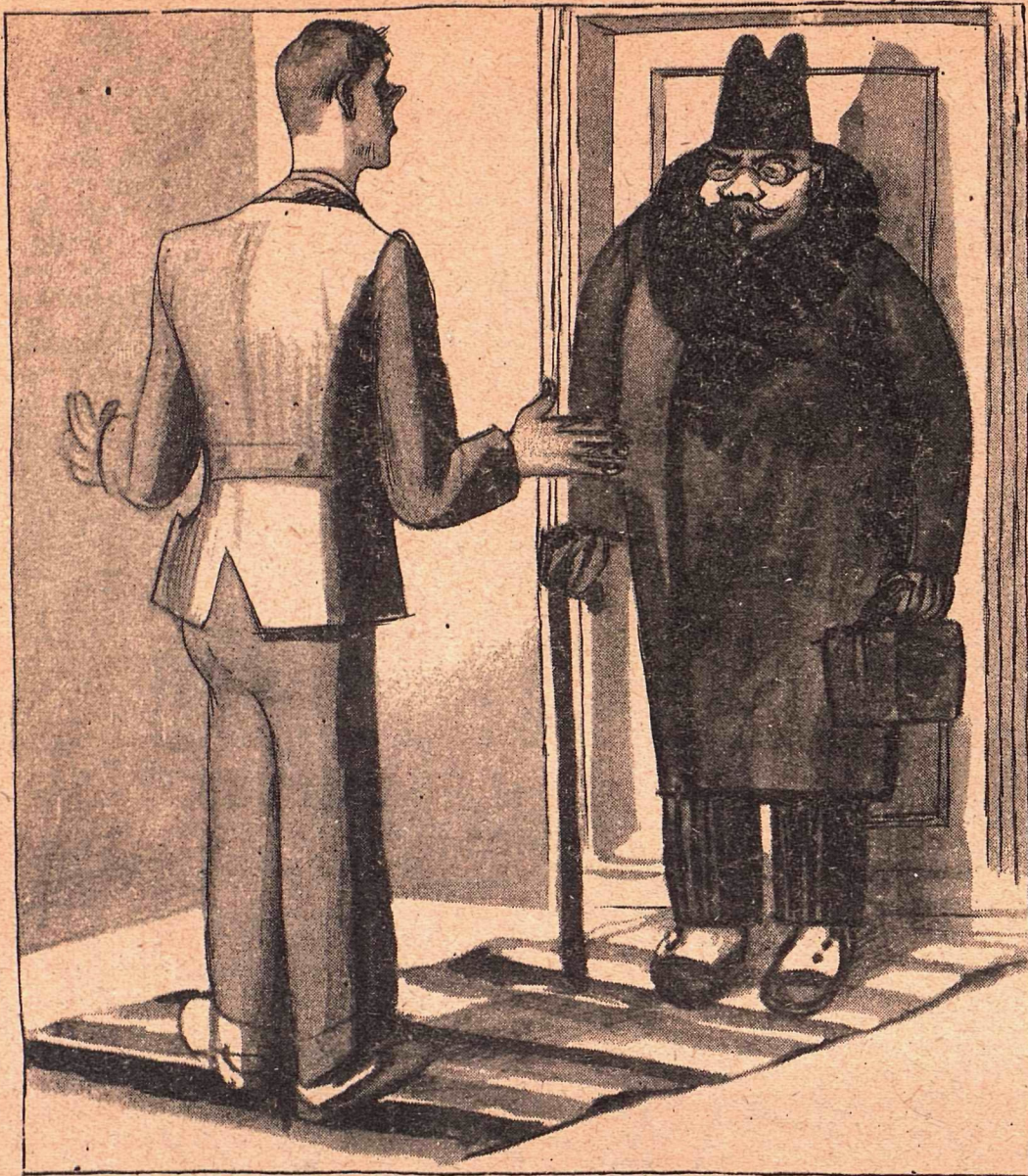
Рис. Кукрыниксы

Паника в закрытом помещении, или распродажа семейных абажуров при помощи скульптуры: Батальная зарисовка художников Кукрыниксы на скульптурной выставке во „Всекохудожнике“. Слева направо (и наоборот): изваяния, мятущиеся в цепких лапах тесноты и неряшливости. Большие закрывают маленькие, маленькие путаются под ногами у больших, и всем не сладко, включая сюда и зрителя. Но справедливость все же торжествует, и ярким солнцем среди гипсово-мраморной каши вспыхивает бойкая торговля „Всекохудожника“ расписными шарфами, абажурами, куклами и другими выгодными произведениями высокого, почти античного искусства. На переднем плане сидит за прилавком председатель „Всекохудожника“ Ю. Славинский. И пусть его сидит о миром (и с абажурами). Да будет ему прилавок пухом!

ОБЕЩАННОГО ТРИ ГОДА ЖДУТ

Рис. М. Черемных

— Скажите, сюда вызывали врача неотложной помощи?
— Врача?.. Не помню.. А впрочем, припоминаю: год тому назад мы действительно его вызвали.

ГРАЖДАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ

Молодой человек Паша Трофимов решил развестись со своей женой Нюрой, с которой прожил целых семь месяцев.

Решение это озарило чубатую пашиную голову накануне выходного дня в фойе кинотеатра «Аврора», в очереди у конфетного киоска.

Нюра настаивала на четырех «мишках», расчетливый Паша предлагал ограничить закупки двумя булками. Завязалась оживленная дискуссия. Булки и «мишки» были подняты на принципиальную высоту, и дискуссия незаметно перешла в ссору.

Они отошли в темный угол, ничего не купив, и тут Нюра неожиданно расплакалась.

— Плюшкин несчастный! — сквозь обильные слезы с трудом говорила она. — Для родной... жены... два рубля... пожалел. Небожь... когда... ухаживал...

по полкило драже таскал!.. Слова не говорил!..

Паша стоял красный, взъерошенный, похожий на побитого в драке петуха и отвечал отрывисто:

— Ну и таскал! В чем дело? Дурак был, потому и таскал. Утри слезы, дура! Народ смотрит! В чем дело?

— Пусть смотрят на такого жадюгу... Сто лет с ним живу, прошу: купи пушистый берет. Все носят пушистые береты: Клава Копчикова, Дуся Поклепкина. А где мой пушистый берет, отвечай?!

— При чем здесь берет? Утри слезы, дура! Булки сто раз полезнее берета, тьфу, конфет. В чем дело?

— Другой муж сам бежит в магазин, покупает для жены то, се... А наш купит то, се... Держи карман! Наш как получка, так шасть в Мосторг для себя носками запастись!

— Замолчи, дура. Раз они рвутся! Не могу я босиком ходить как Лев Толстой. В чем дело?

Не дождавшись сеанса, они ушли домой. А утром Паша Трофимов пошел советоваться насчет развода к своему приятелю Васе Смычкову. Вася слыл опытным парнем в таких делах: женат он был пять раз и сейчас временно пребывал в холостом состоянии.

Сей салатон оказался дома. Он стоял в лиловых кальсонах и рубашке с галстуком у письменного стола и разглаживал себе брюки. Выслушав пашины жалобы, Вася авторитетно сказал, помахивая утюгом:

— Конечно, разводишься! С таким характером, как у твоей Нюрки, ты никогда себе приличного костюмчика не сшарганишь. Разводишься, Пашка! Отдашь в загсе трешку — и вся музыка. А жить будешь временно у меня.

От Васи Смыčkова Паша вернулся домой спокойным, уверенным и немного выпившим. Развод, развод! К чорту всякие сентиментальности! Любовь — это только в стихах бывает.

Нюра встретила пашино сообщение о разводе мужественно и хладнокровно: она была гордая. Правда, у нее дрогнули губы, и глаза стали светлыми-светлыми, но она сейчас же овладела собой и сказала:

— Пожалуйста! Хоть завтра.

Разводиться они пошли в два часа дня. До вечерней смены Паша был свободен. В обеденный перерыв он зашел за Нюрой на службу, в ее магазин, и через десять минут они уже сидели в приемной загса, в крохотной комнате с решетчатыми окнами. В этом самом загсе всего лишь семь месяцев назад был зарегистрирован их брак. Только тогда им нужно было — в комнату направо от выхода, а теперь — налево. Грустно, грустно, товарищи! Как тяжело на свете жить!

Наконец, из левой двери вышел последний клиент комнаты разводов — пожилой мужчина с расцарапанной щекой и подбитым глазом. На лице его сияла счастливая улыбка. Переглянувшись, Паша и Нюра разом словно в холодную воду нырнули в страшную комнату.

За большим письменным столом в комнате разводов сидела очень толстая румяная девушка с веселыми кудряшками. Глаза у нее смеялись — должно быть, от избытка здоровья.

— Разводиться нам, — мрачно сказал Паша Трофимов, — только поскорее, а то на работу опаздываем. Причина обыкновенная: не сошлись характером.

Нюра молча кивнула головой. Слезинка упала на раскрытую мелко испиленную книгу и расплылась голубой кляксой.

— Развестись недолго, — сказала толстая серьезно, — а вы хорошо подумали, прежде чем сюда пришли?

— Подумали, подумали. В чем дело? — простонал Паша.

Нюра снова кивнула головой. Еще две слезинки упали на раскрытую книгу разводов и потекли тонкими чернильными ручейками.

НОРМАЛЬНАЯ ЗАТЯЖКА

Рис. Л. Соифертиса

— Ну что ж, — вздохнула регистраторша, — разведу вас.

Подумав секунду, она вдруг сказала:

— Только имейте в виду, что развод теперь стоит сто рублей — новая такса.

— Сколько? — хрипло спросил Паша.

— Сто рублей.

— А как же мой товарищ говорил: трешка?

— Раньше, действительно, было три рубля, а теперь — сто.

В комнате разводов наступило тягостное молчание. Потом Паша Трофимов неуверенно спросил:

— А для ударников скидки нет?

— Никаких скидок никому не даем, гражданин. Которые ударники, не станут направо и налево разводиться. Ну что же, будете разводиться или нет?

— Одну минутку, — извинился Паша и отвел Ньюру в уголок.

— Сто рублей, — зашептал он на всю комнату, — шутка сказать! За сто рублей мы себе свободно и скатерть укупим. Желтую. С павлинами и все другое. В чем дело?

— И берет, — прикинула Ньюра. — Пушистый. Как у Дуси Поклепкиной.

— И берет! И, пожалуй, еще на носки останется.

— Конечно, останется. Я, Пашенька, тебя люблю, только мне неприятно, когда ты жадничаешь. Я тебе сиреневые куплю. В клеточку.

— Я тебя тоже люблю, Ньюрка, только мне не нравится, когда ты без разбору деньги тратишь. Нужно, Ньюрка, прощать друг друга. Ведь нам с тобой вместе еще лет тридцать жить, никак не меньше. А берет купим послезавтра.

Они вышли из комнаты разводов, даже не попрощавшись с толстой регистраторшей. На улице было холодно. Падал первый снег. Пахло от него, как водится, арбузами. Они поцеловались. Дворник, подметавший тротуар, подмигнув проходящей женщине в платочке, сказал басом:

— Обкрутились только что голубчики.

На разводную трешницу Паша купил у моссельпромщицы «мишек». Когда он прятал в карман сдачу, сзади кто-то взял его за рукав пальто. Оглянувшись, он увидел толстую регистраторшу в накинутой на плечи шубке. Пухлые щеки регистраторши рдели нето от холода, нето от смущенья.

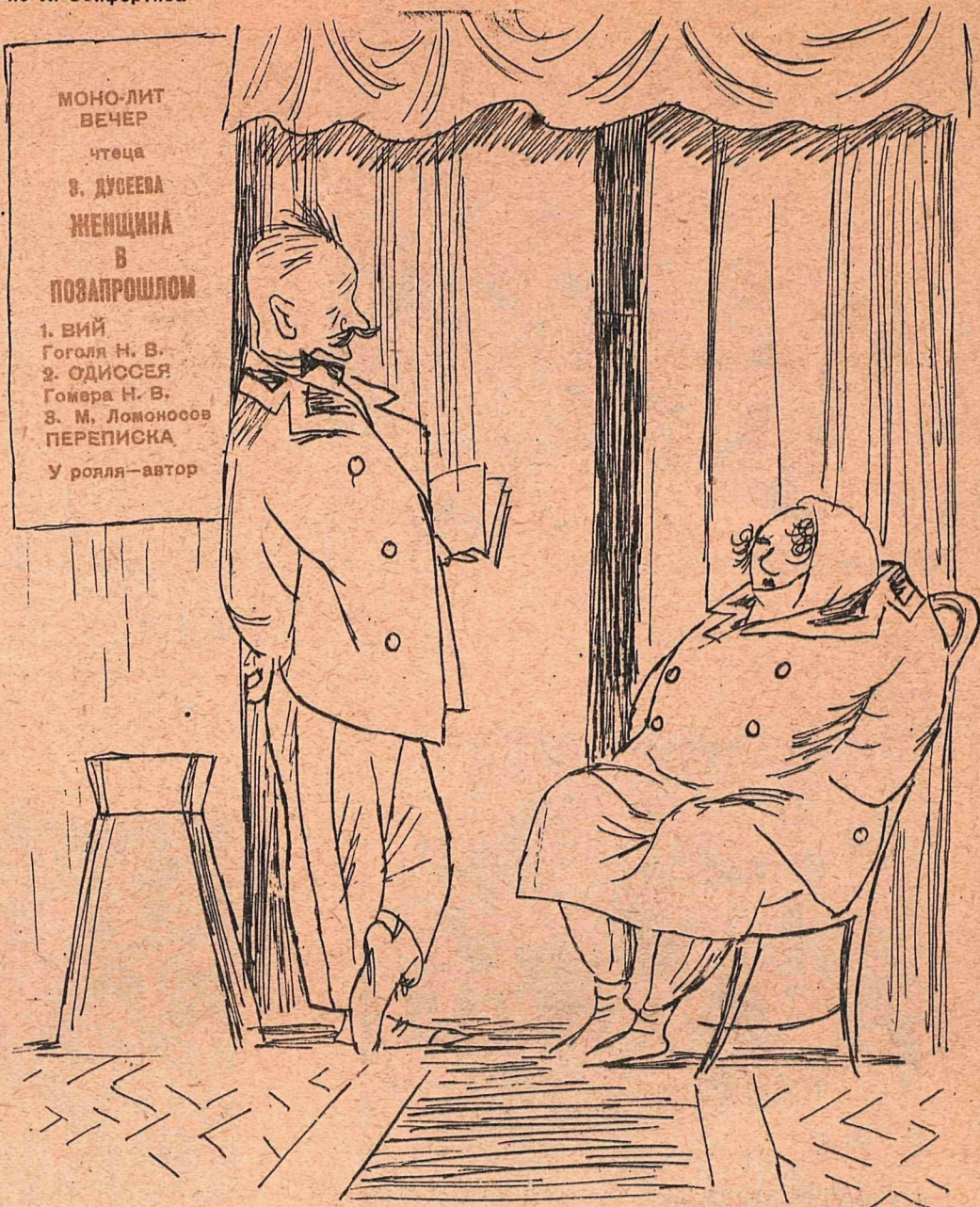
— Я, конечно, извиняюсь, — сказала регистраторша, смеясь глазами. — Но я пошутила. Развод стоит три рубля. Но я вижу: люди вы молодые, драмы у вас, извиняюсь, нету, зачем, думаю, им разводиться. Взяла и соврала, что развод стоит сто рублей. А он стоит действительно трешницу. Если желаете, идемте — разведу.

Паша посмотрел на растерявшуюся Ньюру, потом на регистраторшу, потом на кулек с «мишками» и сказал:

— Мерси вас! Не желаем. Мы даже трешку — и ту проели. Все равно не на что разводиться. Не угодно ли конфетку?

И он протянул регистраторше кулек с «мишками».

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

— Почему это так долго тянется первое отделение?

— Да поэму актер уже давно прочитал, а теперь устроители читают замеченные опечатки.

ГВОЗДЬ И ПАНИХИДА

Случалось в книгах нам такую мысль прочесть:

«Похож как гвоздь на панихиду»,

А сходство между ними есть,

Хоть резко меж собой они различны с виду.

Однажды в бешенстве воскликнул ржавый гвоздь:

«Меня всего обуревают злость!

Подчас скучнейшую из пьес бесцеремонно

Иные назовут гвоздем сезона.

А я причем, скажите, тут?

От скуки на спектакле мухи мрут,

Веселья нет и тени,

Не пьеса — гроб на сцене,

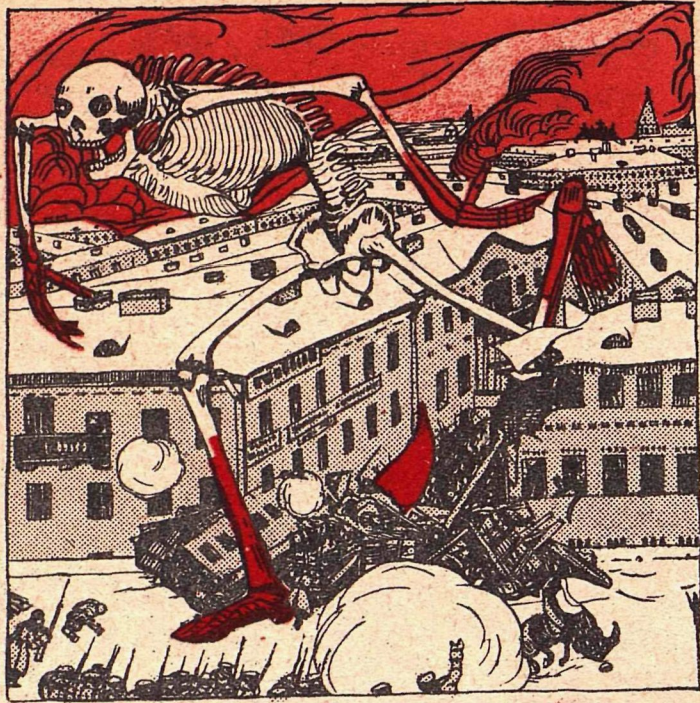
И должен театрал глодать без мяса кость!

Ну как мне не страдать, как не терпеть обиду?..»

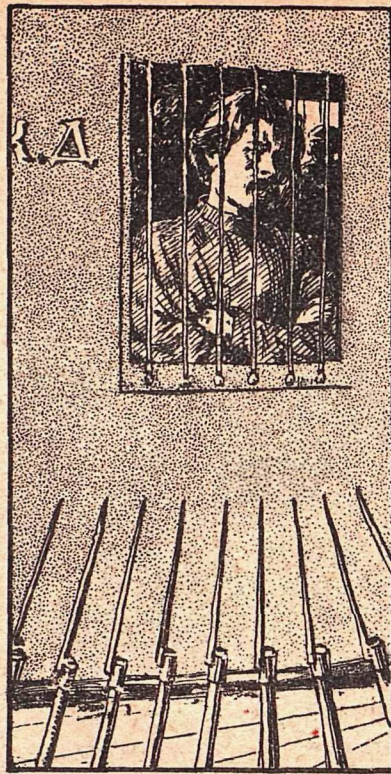
Гордятся, пыжятся, крича: «Сезона гвоздь!»,

А гвоздь похож на панихиду!

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

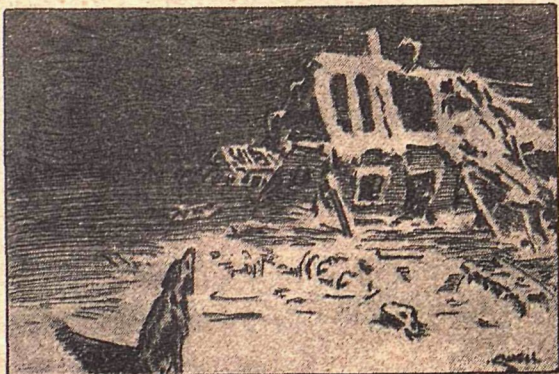
1 МОСКВА. ВСТУПЛЕНИЕ („Жупел“)

4 ВСЮДУ СВОБОДА („Вампир“)

2 В ГОРОДЕ СПОКОЙНО. НА УЛИЦАХ ДВИЖЕНИЕ ВОЗОБНОВИЛОСЬ („Стрелы“)

3 В ДЕРЕВНЕ ВСЕ СПОКОЙНО („Вампир“)

5 РУССКАЯ КОРОНА („Пак“, Нью-Йорк)

6 УЧАСТКИ ЗЕМЛИ ДЛЯ СВОБОДНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН („Будлат“)

7 ВИДЫ НА УРОЖАЙ ТЫСЯЧА ДЕВЯТИНА („Будлат“)

1905 Г

Городового, вытянувшегося с винтожи крови, спрашивает обывательница:

— Кого, батюшка, убили-то?

— Проходи, проходи. Кого надо,

Это одна из наиболее известных появившихся в связи с убийством матора, великого князя Сергея Алекса

Двуглавый орел с пышным хвостом и зительными когтями. На мантии, в ституция». Если вы этот рисунок пми, хвост превращается в голову паркогти — в пышные аксельбанты, крыль головы двуглавого орла в первернутлистично изображают неприглядный мторского величества».

Еще за полгода до появления этсмел даже мечтать о такой свободнойке над самодержавием. Вообще надолетие революции пятого года являетсятилетием со дня возникновения массововолюционной политической карикатури журналы росли буквально как грибы. другой день они появлялись под дрдолжны свою деятельность. Меньшелось в России свыше трехсот различныизданий. Они возникали и в Петербурги в ряде других крупных провинциаллись на все более или менее значащеской революции.

Наряду с чрезвычайно наивными рисунками мало известных, а иногдафидированных художников в то времание политической карикатуре и тстера, как Кустодиев, Серов, Добужки

Напрасно мы стали бы искать и революции рабочей тематики, кариклистическую эксплуатацию: тогдашнине несмотря на свой радикализм все жеазной двойственностью, боязнь того, стьянин не превратили бы либеральепротив основ капиталистического стразоблачении основ самодержавия толи немало.

ОД В КАРИКАТУРЕ

овкой в руках около лу-
того и убили.

политических карикатур,
сковского генерал-губер-
ндровича.

м и чрезвычайно выра-
кружке, надпись «Кон-
перевернете вверх нога-
оя, увенчанную короной,
ья — в мантию, а шея и
м виде достаточно реа-
гольный зад «его импера-

их карикатур никто не
, злой и разящей издев-
сказать, что тридцати-
в то же время и тридцати-
вой более или менее ре-
ны. Новые сатирические
м. Их закрывали, и на
другим названием и про-
чем за один год появи-
их названий сатирических
е, и в Москве, и в Киеве,
ных центров и отклики-
не проблемы первой рус-

и убогими по форме
и совершенно не квали-
и уделяли большое вни-
акне первоклассные ма-
нский и ряд других.

в архиве сатиры первой
атур, бичующих капита-
е сатирические журналы

или пропитаны буржу-
как бы рабочий и кре-
прессы в революцию
роя. Но в осмеянии и
гдашние журналы сдела-

Мы не будем здесь воспроизводить многие чрезвычайно популярные в свое время карикатуры, которые в послеоктябрьский период неоднократно, во время празднования годовщины пятого года, перепечатывались на страницах наших газет и журналов.

Из приводимых нами карикатур четыре посвящены карательной политике царского правительства.

Рисунок Кустодиева (№ 1), помещенный в одном из лучших журналов того времени, в «Жупеле», в аллегорической форме показывает ужасы усмирения восставшей Пресни. Той же теме посвящены и карикатура «Адмирал Дубасов принимает ванну» в журнале «Стрелы» (рис. № 10), рисунок Серова «Виды на урожай 1906 г.» (№ 7) и в особенности лаконичная и убийственная по сарказму карикатура «В городе спокойно. На улицах движение возобновилось» (рис. № 2). Как известно, этими стандартными фразами обычно заключались рапорты усмирителей о подавлении восстаний.

С этой темой перекликается и рисунок из журнала «Вампир» — «В деревне все спокойно» (№ 3).

На аграрную программу царского правительства журнал «Булат» откликнулся в то время карикатурой «Участки земли для свободного переселения крестьян» (рис. № 6).

Пародируя картину Ярошенко «Всюду жизнь», журнал «Вампир» карикатурой «Всюду свобода» (рис. № 4) реагировал на тогдашний арест Максима Горького.

Если пролетариату и крестьянству как решающей революционной силе сатирические журналы эпохи 1905 г. почти не уделяли места, то разоблачению истинного лица опоры самодержавия: дворянства, бюрократии, военщины, полицейских и т. п. — посвящено немало сотен чрезвычайно острых и убедительных карикатур в разных журналах и газетах. Мы приводим здесь одну из них — не требующую комментариев карикатуру из журнала «Сатирическое обозрение» — «Современные герои» (рис. № 9).

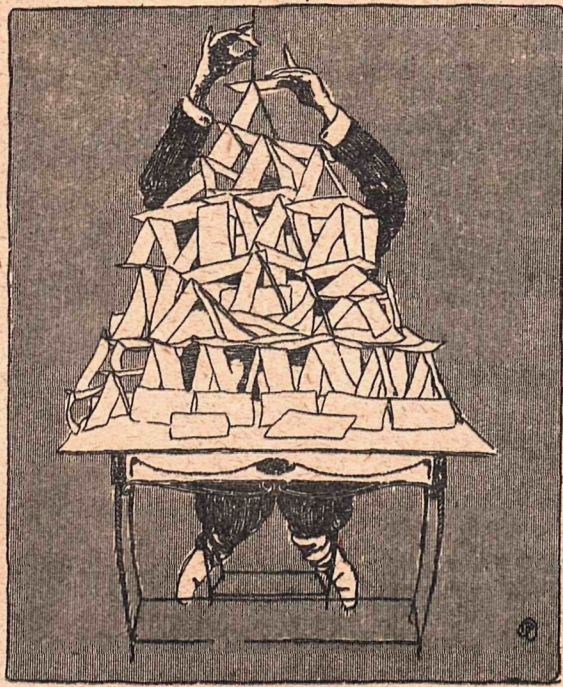
Осмеянию конституционных фокусов царского правительства посвящен рисунок «Наша конституция — просят не дуть», напечатанный в журнале «Зритель» (№ 8).

И, наконец, не лишена интереса чрезвычайно выразительная несмотря на далекое от совершенства мастерство выполнения карикатура «Галерея обезглавленных королей» (рис. 11).

Из многочисленных заграничных откликов на революцию 1905 г. мы помещаем карикатуру «Русская корона» (№ 5), напечатанную в американском журнале «Пак».

ПЯТОГО ШЕСТОГО ГОДА

8

НАША КОНСТИТУЦИЯ — ПРОСЯТ НЕ ДУТЬ
(«Зритель»)

9

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРОИ
(«Сатирическое обозрение»)

10

АДМИРАЛ ДУБАСОВ ПРИНИМАЕТ ВАННУ
(«Стрелы»)

11

ГАЛЕРЕЯ ОБЕЗГЛАВЛЕННЫХ КОРОЛЕЙ

ИНТЕРВЬЮ В ТАКСИ

В третьем часу ночи я возвращался домой с редакционного совещания, на котором мне поручили провести интервью о поведении шофера.

После полуторачасового ожидания, в 3 часа 45 минут по московскому времени, совершенно оочевенный, вибрируя, как сказал бы инженер, и содрогаясь, как написал бы Бабель, я увидел такси.

Сидевший за рулем мужчина был грозен. Козырек его был поломан, смят и разорван. Пиджак и брюки отражали сияние фонарей и представляли собой готовую к употреблению масленку. Физиономия, бритая недели две назад популярным лезвием «Арктика», пугала дикостью очертаний и красок.

— Поедем, — сказал я с деланной непринужденностью и полез в машину.

— Нет, не поедем, — спокойно ответил шофер, широким жестом захлопывая перед моим носом дверь. — Мне в обратную сторону.

— Виноват, вы же не знаете, куда мне ехать?

— А куда?

Я был застигнут врасплох. Шофер был из опытных.

— На Серпуховскую площадь, — ответил я, перестроившись.

— А я еду на Ленинградское шоссе.

— Вот и хорошо, — заметил я небрежно. — Как раз там живет мой приятель, с которым я поссорился и хочу

теперь помириться. У него я и переночую.

Шофер понял, что оказался в дураках, и открыл дверь:

— Садись.

Итак, мы были уже на «ты», и я почувствовал себя как дома.

Одно лишь меня беспокоило: едва мы проехали квартал, как счетчик уже нащелкал 10 рублей 20 копеек.

— Дорогой, — сказал я, — ответь по-дружески и откровенно. Я сам шофер из провинции, желательна обменяться опытом. Почему твой счетчик обгоняет машину?

Коллега оглянулся. В его затуманенном взоре я увидел огоньки доверия к ночному спутнику.

— А я, браток, поставил счетчик «на старичка».

— Как так «на старичка»? — изумился я и тут же с ужасом почувствовал, что своей детской наивностью могу испортить наладившиеся было отношения.

— «На старичка», — ответил наставительно шофер, — это, брат, старый прием. Предыдущий пассажир наездил 10 рублей. Деньги я получил, а со счетчика десятку не сбросил. Вот с тебя второй раз ее и получаю. Ты не настолько пьян — заметил. А какому-нибудь кавалеру с барышней даже, может быть, неудобно сказать.

— Вот это здорово, — сказал я с чувством искреннего восхищения и

этим окончательно завоевал доверие моего собеседника.

— А еще бывает, — продолжал он, воодушевляясь, — езда с подсадкой. Это, понимаешь ли, когда в один раз едут несколько пассажиров. По одному направлению. Вот, к примеру, ты едешь до Пушкинской, Иванов — до Белорусского, а Петров — до бегов. Перво-наперво слезаешь ты. «Пожалуйста, — говорю, — с вас пятерка». Еду дальше. Доезжаем до Белорусского. «Будьте любезны, товарищ Иванов, с вас 8 рублей по счетчику». А Петров, разумеется, и все 11 платит. Это, брат, — самое верное дело. И казне не убыток: как счетчик показал 11 рублей, так я казне и отдаю. И пассажиру не обидно: каждый платит за то, что проехал. И мне прибыль: 13 рублей разницы в кармане. Вот только одно неудобно: делиться надо с подсадчиком.

Я промолчал, понимая, что просьба объяснить этот автомобильный термин будет неуместна, и оставалось лишь надеяться на чуткость товарища.

— Подсадчик, браток, — великое дело. Он как регулировочное бюро работает или, лучше сказать, сортировочная станция. Главная его задача на вокзале — подобрать тройку пассажиров по пути и на разное расстояние. А моя обязанность — удовлетворить подсадчика справедливым процентом.

Мы выехали на Ленинградское шоссе. Шофер нажал на акселератор — и машина, обезумев, понеслась по черной ленте, отбрасывая назад оголенные осенью липы.

— Люблю выжать железку доотказа, — сообщил мне шофер. — Газуй через все светофоры! Пусть знают Васю Дергачева!

— А если вам встретится по пути какое-либо препятствие? — робко спросил я, опасаясь, что это будет последний вопрос в моей жизни.

— Плевать. Тот — не настоящий шофер, у кого нет аварий. Я не извозчик, не гужеед какой-нибудь. Ну, придавил человека. На то и шофер на улице, чтобы пешеход не дремал. Пешехода если не давить, так он тебя задавит. Эх, — сказал он помолчав, — есть у меня в жизни мечта — на всем газу в'ехать в «Гастроном» № 1. Вот потеха была бы!..

В этот момент что-то ударило, треснуло, звякнуло...

Я очнулся в канаве. Надо мной сияли холодные фары ноябрьских звезд. Рядом лежали ничком машина и ее водитель.

Я встал и прихрамывая побрел домой.

Задание — взять интервью о поведении шофера — было выполнено.

ДОРОЖНЫЕ СТРАСТИ

Рис. Б. Клинка

— Как же вы решили тут ехать, да еще пьяный?
— А трезвому человеку здесь разве проехать?!

Б. СВЕТЛАНОВ

О МОРЕ, О ЗВЕЗДАХ, О ШИШКЕ НА ЗАТЫЛКЕ

В Анапе заседала конференция врачей: сорок своих, анапских, да десятков краснодарских и ростовских.

Два дня врачи вполне единодушно доказывали друг другу, что нет в мире лучшего курорта чем Анапа. Анапский пляж, анапское море и анапское солнце не имеют конкурентов. Один оратор до того увлекся, что выразился так: «Кто попытается отрицать, что наш виноград не лучший в мире, того я свободно берусь сбить с ног...»

Совсем как в известном анекдоте: «Хотя я не оратор, но предыдущему оратору вполне могу дать в морду».

Когда стали оглашать показания к лечению на анапском курорте и были названы сто две болезни, с мест добавили еще десяток других, от которых можно исцелиться только в Анапе.

Потом местные врачи разошлись по домам, и гости сели в автобус и поехали на станцию Тонельную. Оттуда лежит путь в Ростов и в Краснодар. «Да здравствует мировой курорт Анапа!» — крикнул на прощание из окна автобуса ростовский профессор.

Была голубая южная ночь. В ласковом море тихо-тихо плескались звезды — серебряные, золотые, хрустальные... Сияла, конечно, и луна: куда ей, бедной, было деться в такую лунную ночь?

Что касается людей, не портически настроенных, то их одолевали иные мысли. Вчера со станции Тонельная по той же дороге, по которой следовали сейчас авторы 112 показаний, прибыл в Анапу костно-туберкулезный мальчик. 21 километр его везли в автобусе, а 12 километров несли на носилках. Невмоготу стала тряска. Третьего дня прибыла больная девочка. Мать сняла ее в пути с автобуса, положила у края дороги, побежала в ближайшую станцию нанимать лошадей и, не найдя их, принесла дочь в Анапу на руках...

Краснодарских и ростовских гостей не надо будет носить на руках, они как-нибудь сами доберутся до Тонельной. Но как можно было не подумать в ту серебряную ночь о том, сколько эти ученые люди набьют себе шишек!

Мировой курорт — и шишка на затылке. Резолюция на десять страниц — и ни слова о том, что нет большего варварства, чем возить по таким дорогам больных...

В Анапе лечатся в сезон до тридцати тысяч больных, главным образом детей. Как же надо не уважать ни больных, ни себя, ни того дела, которому служишь, чтобы не выделить из многомиллионного денежного фонда каких-нибудь 20—30 тысяч рублей на приведение в порядок под'ездных путей к курорту!

«Сбить с ног» конкурента морем и звездами — заслуга малая. Написать 112 показаний к лечению тоже нетрудно. А вот курорт и шишка на лбу — вещи никак не совместимые. Море, к которому надо подносить больных за 20 километров на руках, — тоже никак не море.

Хотя оно и изумрудное, и золотое, и серебряное, и, звезды в нем блещут, и в воздухе пахнет самым горизонтом.

А. АГРАНОВСКИЙ

СКРОМНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Рис. Б. Клинча

— Ах, Мэри, если бы мне удалось продать хоть одну из этих голых женщин, чтобы тебя немного приодеть!

Б И Б Л И О Т Е К А К Р О К О Д И Л А ПЕЧАТАЮТСЯ И СКОРО ПОСТУПАТ В ПРОДАЖУ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ — „Приключения Растегина“

Иллюстр. А. Топкива

СТЭФЕН ЛИКОК — „Смешные рассказы“

Иллюстр. Л. Бродаты.

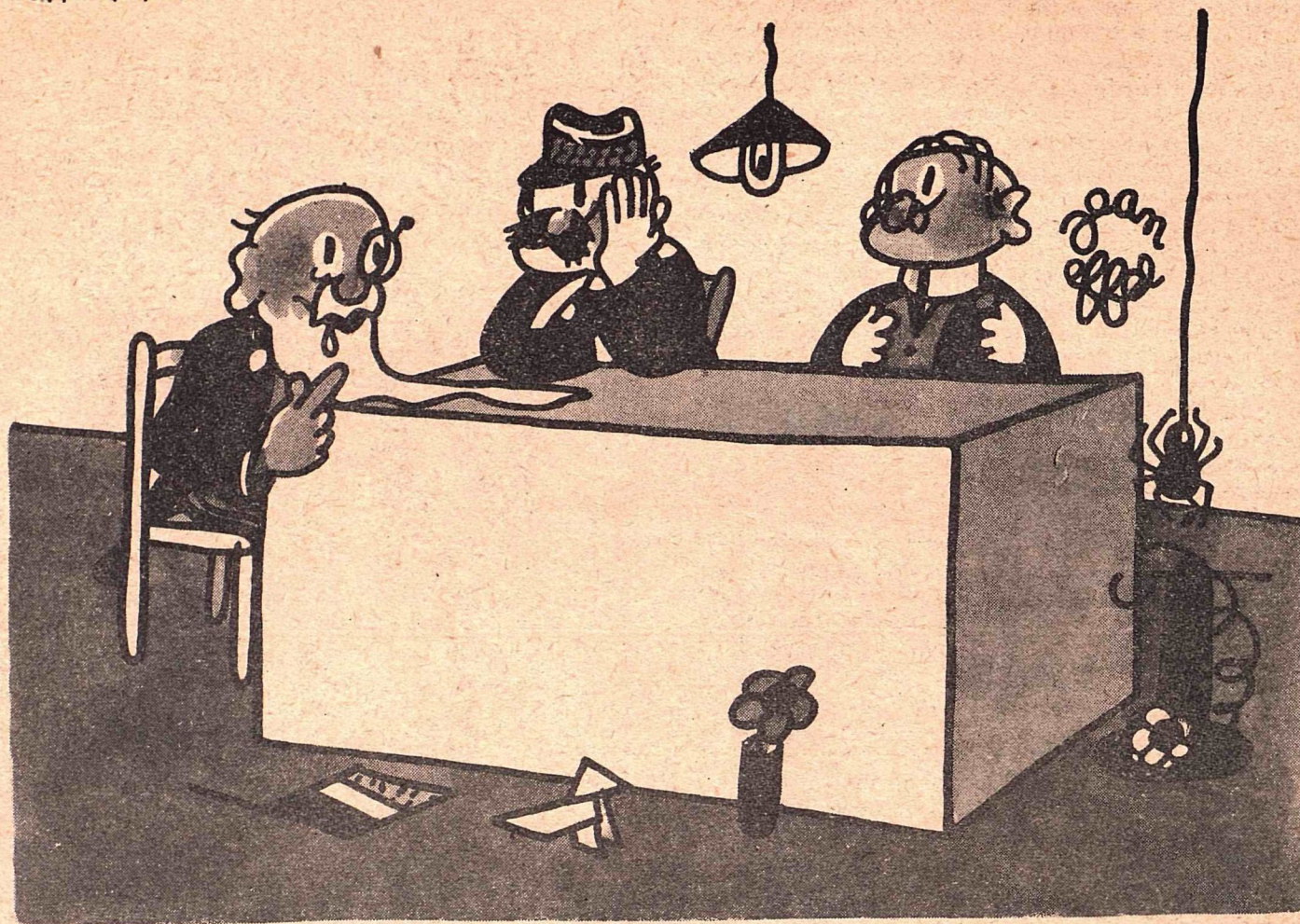
В. АРДОВ — „Некоторые рассказы“

Иллюстр. Б. Малаховского

Л. ЛАГИН — „Сто пятьдесят три самоубийцы“

Иллюстр. Ю. Ганфа

Рис. Жана Эффель (Париж)

— При следующей поставке ружей прошу вас сделать ружейные приклады из маслиничного дерева: как-никак, а все-таки это—дерево мира!

ОДНАЖДЫ В ПОЕЗДЕ...

Я не стремлюсь сделаться снова юношей.

Мне лучше остаться таким, как я есть, немолодым человеком, но не стареть больше. Я слишком дорожу роскошью, которая дает старикам возможность проводить параллели и изредка грозить пальцем.

Я говорю: изредка.

У нас уже очень мало людей, особенно молодых, которые еще верят в то, что под широкой сенью свободы останется уголок для неряшливости. Но все же, не-нет, а и попадетсЯ один на эту ветхую удочку.

Особенно, когда жарко.

Я ехал в вагоне дачного поезда.

Напротив меня была пустая скамейка, и на нее сразмаху уселся молодой человек и девушка.

Они ворвались с веселой оравой, продолжая греметь:

«И кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет...»

Я читал книжку.

В моем организме всегда есть излишняя кислота, которая бунтует при шуме. Молодой человек это заметил.

— Потерпите, папаша, — приветливо сказал он. — Из песни слова не выкинешь.

— Я и терплю, — кисло ответил я. — Но только в этой песне так сказано: «И кто с песней по жизни шагает...», а вы продолжаете петь сидя.

Девушка запустила лукавый взгляд в мою книжку.

— Маяковский... — прочитала она. — Ребята, пожалуйста, не кричите!

Ребята прикрыли рты.

Я никогда не гулял в таком откровенном виде, как этот юноша: в рубашке, без пуговиц. И хорошо делал: у меня никогда не было его золотистых мускулов. И если бы я сел в вагон с открытой бледной грудью и дребезжащими ребрами, то первый же честный врач накинул бы на меня что-нибудь теплое.

Но тем не менее даже красивому малому не следует появляться в раскрытой ночной рубашке в вагоне.

Юноша был утомлен.

Посидев, он раза четыре зевнул, потом улыбнулся себе и девушке и уронил голову.

Девушка также устала. Но она продолжала сидеть стойко и прямо, и ее грудь поднималась, волнуя немного кофточку.

Молодой человек чуть сопел.

Его сильное туловище, которое распустило пружины, качнулось туда и назад и, наконец, потеряв линию отвеса, скользнуло по спинке скамейки на бок. Его голова прислонилась к стенке вагона, рядом с окошком. Рот приоткрылся, и его точные черты раздвинулись как по намочшему клею.

— Раскис он у вас, кавалер? — кивнув на него, обратился к молодой девушке мой сосед, пожилой человек, по виду колхозник.

Девушка вздрогнула. Потом взяла носовой платок и вытерла молодому человеку рукав и губы.

Молодой человек помотал взлохмаченной головой, ускользая от носового платка, и, помычав, продолжал спать.

— Ох-хо-хо!—засывающе вздохнул старый колхозник.— Дела! — он показал на обнаженную грудь юноши.— На железнодорожных путях и какой прорыв делается!

В публике улыбнулись.

— Вы представьте,—продолжал он, чтобы придать своему протесту больше конкретности.— Еду с женой, не иначе как с женщиной. Ну какая, скажите, ей польза при живом муже на частное пузо смотреть? — он показал на сидевшую рядом с ним женщину.

— Да ладно,—лениво сказала она.— Сам-то, небось, по избе голофеем бегаешь.

В публике засмеялись.

— Дура ты дура!—сказал ей глазами муж и стал вытирать яблоко. Но он, очевидно, готовился еще высказаться.

Кто-то из молодежи с досадой крикнул:

— Вера! Да разбуди, наконец, Шурку. Что он у тебя, в самом деле, расклеился?

Мне стало досадно за девушку.

Но она, как будто назло присутствующим, обняла молодого человека рукой и, наклонив в свою сторону его туловище, положила к себе на плечо его голову. В этом движении были и любовь и вызов.

Мне захотелось растолкать юношу.

Старик возобновил наступление.

— Про меня нечего говорить,—сказал он.— Наше дело невидное. Мы с самолетов под зонтиком не кувыркаемся,— он показал кверху.— А вот ты там потеряй пуговку!—в нем проснулся наставник.— Не-ет, брат! Коли с рубахой не будешь в порядке, то и с машиной не будешь в порядке. Ты у нее так загремишь...

Меня больше интересовала девушка.

«Загремит» у нее молодой человек, если он будет и дальше дремать, не считаясь ни с местом, ни с временем, в рубашке без пуговиц? Или она ему успеет шепнуть:

— Друг мой, подтянись вовремя. Мы самые свободные девушки, но мы же и самые требовательные. Нам нужны не только подвиги. Мы ценим и те «пустяки», из которых состоит внешность — наружное проявление вашего уважения к другим и вашей дисциплинированности.

Она сказала бы это много складнее, без всякой морали и не так сухо, но я ведь предупредил, что я стар и грожу пальцем.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

МУХА И СЛОН

Однажды муха встретила слона,
И говорит ему она:

«Напрасно на менязираешь ты с презрением.

Я не мирюсь с твоим мировоззрением.

Не знаю, почему слону такая честь:

И у меня ведь хобот есть!

Идут не даром слухи,

Что делают слона из мухи!

Поверишь, мне смешна твоя слоновья
стать.

Как я, попробуй ты летать!

Летающих слонов во всем не сыщешь
мире,

Хоть ты из шкуры будешь лезть!

Ног у тебя всего четыре,

А у меня их целых шесть!

Еще поборемся мы с вами,

На вас я с жалостью гляжу:

Ходить ты можешь вверх ногами,

Как я по потолкам кожу?..

Нет! У тебя на то не хватит духу!»

Услышав эту речь, расхохотался слон,

И даже не заметил он,

Как раздавил болтуню-муху.

ВОРОБЕЙ-РАЗБОЙНИК

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ

Дружеский шарж Н. Радлова

Известные бегуны-рекордсмены братья Знаменские поступили в медицинский вуз

Будущие врачи действительно скорой помощи

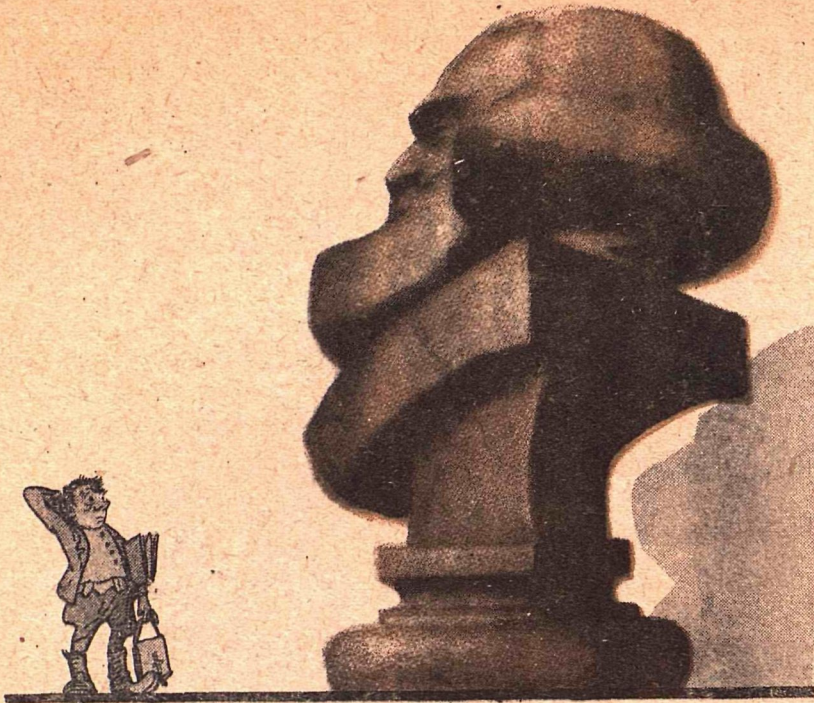
ЗАКОННОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Рис. Л. Генча

— Бритва не беспокоит?

— Бритва—нет. А вот ваши пальцы беспокоят: уж очень они грязные!.

— Лицо, действительно, очень знакомое. Интересно, не писал ли он что-нибудь по марксизму?

СЕКРЕТ

Задумал драматург работать как Стаханов.
Купил бумаги сотню стоп,
Чтоб гонорары чистоганом
Сгрести невиданные чтоб!
Тот двух крепильщиков берет,
Врезаясь в глубь земных пород,
А этот взял двух машинисток,
Два ундервуда голосистых.
Механизированный труд!
Диктует он направо и налево,
Аж лопнул бедный ундервуд
От небывалого нагрева!
В забое вдохновения жара,
И не хватает только вагонеток,
Чтоб вывозить продукцию всю эту,
Как говорят шахтеры, на-гора!
«Как здорово! — кричат одни. — Ново!..»
Уж репортеры вокруг него
Кружатся, как слепень и овод,
Интервьюировать подыскивая повод.
А пьесы те?.. За драмой драма
Проваливаются упрямо,
Но злее гроз, мрачнее пург,
Все дальше пишет драматург!..
О чем лишь не писал он? О колхозах!
О васильках! О людях и о козах!
Нашелся все ж неглупый человек,
Который моего «стахановца» осек:
«Не зря провальны ваши все премьеры!
А знаете ли, в чем секрет:
Там чувству героизма меры нет,
У вас же попросту... нет чувства меры!»

ОСИП КОЛЫЧЕВ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

РЕМЕНЬ

Ремень висел на гвозде. Отец правил о него бритву и выговаривал сыну:

— Конечно, теперь культурная революция, вот и небритым не ходи и вас пальцем не тронь. Ну, а нас отцы не пальцем трогали, а ремнем. Да, да, брат, ремнем... А иначе вас и не воспитаешь. Теперь с нас воспитание спрашивают, а как без ремня вас воспитаешь? Никак... Конечно, вслух об этом говорить нельзя: культурная революция и все такое... Ну, а в душе я — за ремень... Помню, отец зажмет голову меж коленей и давай нахлестывать!.. Ремень — он, брат, характер воспитывает. Да, да... Чего ты на меня таким волком глядишь?

— Как тебе, папка, не стыдно! А на родительском собрании в школе ты что говорил?..

— Мало ли что говорил! — отец снял ремень с гвоздя. — Без ремня нет воспитания... Да, да... Ну, а на собраниях врешь, конечно, соловьем, залетным разливаешься... Дескать, культурная революция... Пожалуйте бриться...

— Слушай, папка... Завтра я скажу в школе, что ты меня выпорол.

— Ты что, опалел, что ли? — испуганно сказал отец, обратно вешая ремень на гвоздь.

— Да, да, скажу, что ты меня выпорол... Вот так голову зажал меж коленей и выпорол. И как тебя пропечатают! Да, да!

— Да это же ложь, Петька!

— Скажу, скажу, скажу!.. Пропечатают!..

— Петя! Лгать нехорошо, ты знаешь это... Надо быть честным, смелым, правдивым...

— Ладно там!.. Пусть все знают, какой ты...

Отец торопливо точил бритву и бормотал:

— Успокойся, Петюшка, успокойся. Ты хотел аквариум?.. Ну и покупай аквариум... Не скажешь?

Сел перед зеркалом бриться, посмотрелся в зеркало и тихо про- бормотал:

— И в кого они только растут и совсем, совсем на нас не похожи!..

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Ожидали начальника. И хотя в целях культурного обслуживания посетителей в графине была налита довольно свежая вода, эти посетители хмуро поглядывали на часы.

— Да придет ли он сегодня? — вздыхали наиболее нетерпеливые.

— Придет, — убедительно сказал черноусенький, зажав портфель меж коленями. — Придет. Правда, он совмещает в десяти местах, но сегодня сюда придет... Не надолго, конечно... Ну да ведь и то сказать...

Он показал на часы:

— Крупный начальник подобен самой маленькой секундной стрелке: сделала она круг, и уж нет его.

Сидели, вздыхали.

— Вот вы и говорили, — повернулись к черноусенькому, — придет, придет...

— Сейчас проверим...

Посмотрел в свою записную книжку:

— Должен, должен... Да я сейчас еще у кассира переспрошу.

— А кассир при чем?

— При том...

Сбежал, вернулся:

— Все в порядке. Деньги за зарплату получены. Через десять минут начальник будет здесь.

И, заметив недоумевающие взгляды, досказал:

— Вот. У меня в книжке записаны дни выдачи зарплат в учреждениях. По два дня на месяц. Беспроигрышные дни. В эти дни все удается. Так сказать, психическая атака. И начальник обязательно будет, и настроение у него прелестное...

Через десять минут черноусенький выходил из кабинета:

— Все в порядке.

— Виноват! — подскочил к нему один из ожидавших. — Для нашего учреждения какие счастливые дни? А то ходишь, ходишь...

— Пожалуйста... Сию минуту... Каждые 7-е и 22-е!..

ПРОВИНЦИАЛ

Часто Дождиков применял этот способ: соскочив на ходу с трамвая, пойманный милиционером, Дождиков, простоудно моргая, говорил:

— Да я и не знал. Мы табовские. Всего день здесь. У нас и в провинции этой грохалки нет...

— Смотрите, товарищ, в следующий раз не прыгайте. Оштрафую, — наставительно говорил милиционер. — До полной остановки не сходите.

— Спасибо, милый. Как мы, конечно, не столичные...

Вчера Дождиков начал было:

— Как мы... У нас и грохалки...

— Откуда? — переспросил милиционер.

Дождиков назвал первый пришедший на ум провинциальный город.

— Ну и врете, гражданин, — строго сказал милиционер. — Я читал в газетах, что у вас уж третий месяц как трамвай пущен.

Дождиков уплатил штраф и подумал:

«Со всем нам, провинциалам, житья не стало!..»

В ТОВОЛЯКОВ

МАРТЫШКА В ТИРЕ

(Б А С Н Я)

Раз прогреметь на целый мир
Стрельбой

Мартышка захотела.
Пришла с утра в стрелковый тир,
Взяла винтовку в лапы смело.
Уж и зубами и хвостом,
Весьма настойчиво притом,
Мартышка яростно трудилась,
Плевалась, охала, сердилась...
Винтовка в тире, как на зло,
Была упрямой чрезвычайно...
Мартышке все же повезло:
Нажала спуск хвостом случайно...
Винтовка — бух,

Мартышка — ах!

И... моментально слезы градом:
Мартышка — ах!

Отдача — бах!

Мартышку — по носу прикладом.
Бинтуя грустно бедный нос,
Мартышка, мокрая от слез,
В сердцах сказала:

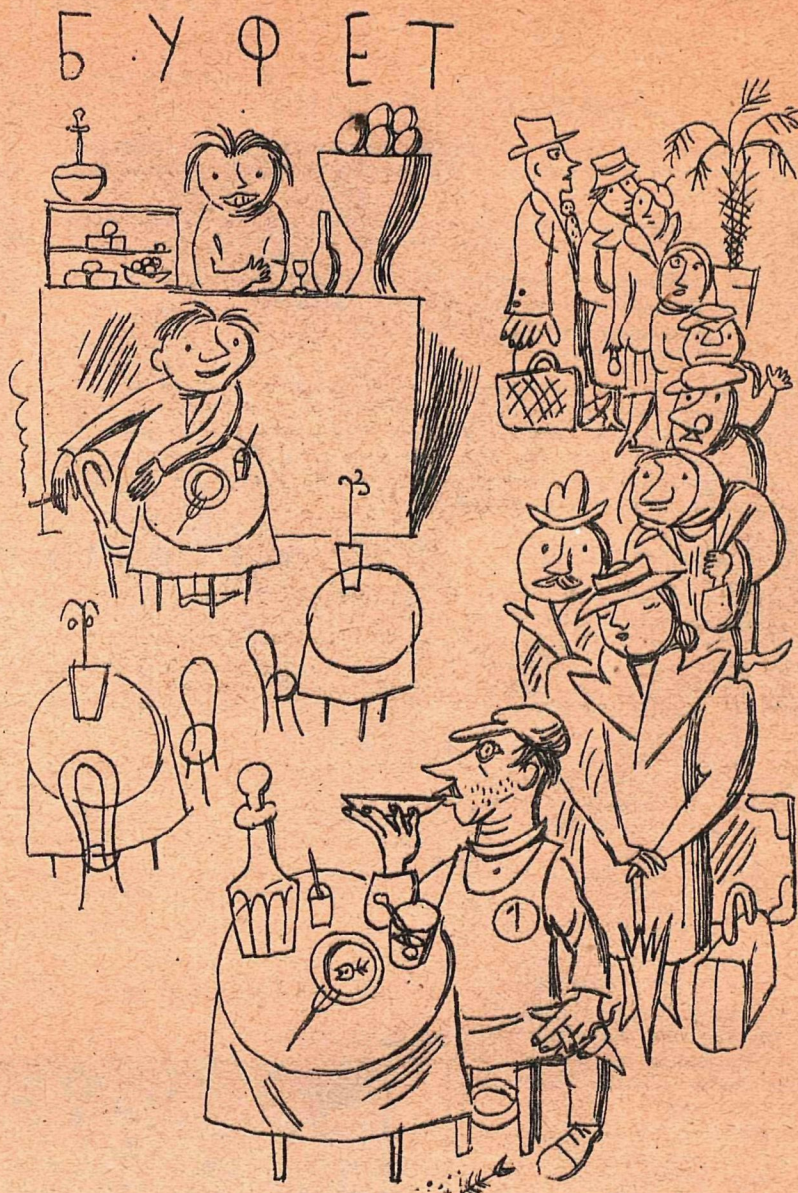
— Вот чертовка!..
Нет, от стрельбы я откажусь...
Я, правда, в снайперы гожусь,
Но... не пристреляна винтовка.

Я знаю кума одного...
Стреляет очень плоховато.
Обычно тоже у него
Всегда винтовка виновата.

ВЛ. МОГОЛЬ.

ЧУДО ПРИРОДЫ

Рис. Б. Малаховского

Человек с хвостом.

ПЕРМСКАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

В каждом городе есть своя интересная достопримечательность: стоит лишь поискать. Например среди немногих достопримечательностей города Перми особенно выделяется местный народный судья Андрей Гурьевич Аксенов.

Гиды-пермяки когда-нибудь, несомненно, будут показывать уютный кабинет Андрея Гурьевича, произнося при этом следующую стандартную фразу:

— Здесь работал А. Г. Аксенов — единственный мужчина Советского союза, получающий алименты от своей жены.

Потрясенные зрители с робким удивлением, открыв дверь, будут обозревать мужественное и выразительное лицо А. Г. Аксенова, фотоснимок коего при сем прилагается.

Наиболее любопытные заходят узнать подробности биографии знаменитого пермского судьи. Тогда гид-пермяк расскажет им незатейливую историю.

А. Г. Аксенов был женат на Ефимии Кулешкиной, каковая родила ему пять ребят. После пятого ребенка А. Г. Аксенов заметил, что он не сходится характером с Ефимией Кулешкиной, и бросил ее. Четырех ребят он взял себе, а пятого оставил на иждивении бывшей жены. Ефимия Кулешкина поступила на работу: уборщицей завода № 19. Получает она 80 рублей в месяц. Зарботок А. Г. Аксенова и его новой семьи больше 500 рублей в месяц. Это обстоятельство не помешало, однако, А. Г. Аксенову, на точном основании закона, с помощью народного судьи Выйлюрова, высудить в свою пользу с уборщицы Ефимии двадцать пять рублей.

— С бывшей жены — хоть сотни клок, — сказал А. Г. Аксенов, спрятав в карман исполнительный лист.

Говорят, что пермские неудачники, платящие алименты своим бывшим женам, поднесли А. Г. Аксенову почетную грамоту бристольского картона с золотым обрезом и с подписью «Учителю и другу».

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ГРИМАСЫ ТУРИЗМА

Заведующий Ялтинским городским отделом народного образования Примаков так переписывается с заведующим первой средней школы тов. Джелночем:

Тов. Джелноч прошу разрешить взять в вас до начала занятия печатную машинку пока я доставлю машинку себе.

Но что требовать от заведующего городским отделом народного образования, который в своей анкете ясно указывает:

Образование — незаконченное высшее.
Профессия — турист.

Мы, конечно, за туризм. Всячески за туризм и за все его виды и формы. И знаем, что энергичный турист может попасть всюду, куда его влекут неукротимая энергия и хорошее здоровье, — вплоть до самых неприступных скал. Но как малограмотный турист может попасть в заведующие городским отделом народного образования, — даже и мы этого никак не можем понять.

ШИРОКИЙ ЛИСТ

Странные вещи иногда происходят с народным творчеством. Вот вот прозвучит оно где-нибудь на широком поле или около лесной опушки, а чуть-чуть не доглядишь — уже сперли и присвоили.

Смоленская газета «Рабочий путь» в № 250 под заголовком «Народное творчество» помещает ряд частушек, а среди них такие, не вполне удавшиеся шедевры:

Я иду, а трактор пашет,
Тракторист платочком машет,
Ты платочком не маши,
Лучше поле запаши.

Хорошо тебе, калина,
У тебя широкий лист,
Хорошо тебе, подружка,
Тебя любит тракторист.

Прошло всего немного дней. И вот в № 268 того же «Рабочего пути» появляется опус некоего Дмитрия Осина «Песни». Что же мы в них находим?

А находим мы в них:

Я иду, а трактор пашет,
Тракторист платочком машет.
Ты платочком не маши,
Лучше полюшко вспаши.

Хорошо тебе, калина,
У тебя широкий лист,
Хорошо тебе, подружка,
Тебя любит тракторист.

Хорошо тебе, «Рабочий путь»: у тебя широкий лист, но ведь надо же хоть изредка смотреть, что на этом листе делается!

В ПОИСКАХ СЕНСАЦИИ

Ялтинская газета «Всесоюзная здравница» считает, очевидно, что без сенсаций ее никто читать не станет. Исключительно только этим объясним мы появление в отделе происшествий такой заметки (№ 265/347):

ПРОИСШЕСТВИЯ

11 ноября по Набережной улице легковая машина № 82-21 наехала на большую урну-плевательницу (против магазина «Гастроном»). Изуродовав урну, машина скрылась по направлению Ливадии.

Сообщить свою фамилию и владельца машины шофер отказался.

Таким образом, пострадавших в этот день в Ялте оказалось двое: большая урна-плевательница и ряд редактора А. Галина.

„ПАПАША В БЕГАХ“

Алексей Челпанов, член партии с 1919 года, в течение четырех лет не платил алиментов своей первой жене.

Крокодил в № 19 посвятил Челпанову фельетон «Папаша в бегах».

По материалам Крокодила, Челпанов исключен из партии и привлечен к уголовной ответственности.

УГРОЗА ЗРЕНИЮ И СЛУХУ

В литературе художественной мы уже повончили с заунывным языком.

Даже самые упорные заунывные авторы сдались под напором этимологии и синтаксиса и пишут так, что их уже начали понимать хотя бы ближайшие друзья и родственники.

Но учрежденческое словотворчество все еще сидит в гранитной пещере и не сдастся.

Вот какая существует в Москве артель, и не только существует, но еще помещает о себе объявления:

ПЕРВАЯ АРТЕЛЬ
МОСОВСКОМУЩЕЛАБОРСОЮЗА
„КООПЛАБОРХИРУРГИЯ“

Об интересных книгах обычно говорят:

— Засиделся я вчера дома над ней до самого утра...

О таких вывесках и объявлениях говорится несколько иначе:

— Застоялся я перед ней на улице до ночи...

ДОКУМЕНТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ НОВЫЙ ВИД АДМИНИСТРАЦИИ

Удостоверение, выданное больницей Прибалхашстроля:

Предъявительница сего т. Забирова командирована сопровождать больных по отправке их в Алма-Ата.
Просьба к администрации всякого сорта оказывать ей содействие...

ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Снова телеграфный юмор. Телеграмма, полученная одной из областных контор Экспортлеса от Нейского лесозавода (Ивановской области):

МАРШРУТ ЭКСПОРТА ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО СОРВАН ТОВАР ЛЕЖИТ
ГОТОВЫЙ БРОСЬТЕ ПОРТИТЬСЯ

НЕПРИЯТНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Рис. А. Топикова

— Нельзя ли узнать, что вы собираетесь написать в будущем году?

— Зачем повторять. Я об этом уже говорил еще пять лет тому назад.

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

КРЫМСКАЯ НОВЕЛЛА

В № 23 Крокодил в заметке «Крымская идиллия» сообщил, что Крымский обком партии и Крымский Совнарком предложили руководителям государственных, кооперативных, хозяйственных и прочих организаций в обязательном порядке подписаться на «Бюллетень сельских писем», издаваемый газетами «Красный Крым» и «Бни Дунья».

В связи с заметкой Крокодила бюро Крымского обкома партии отменило свое постановление о подписке на бюллетень.

РОДИОНОВ ДЕЙСТВУЕТ

Парторг строительной группы Рейдфлота в Астрахани Родионов партийно-массовой работы не вел. Вместо этого он собирал слухи и сплетни о личной жизни рабочих, зачастую сам допрашивал рабочих и требовал материалы стенной газеты себе на предварительный просмотр.

Работницы Рейдфлота не стерпели издевательств со стороны Родионова и пожаловались Крокодилу.

Постановлением бюро Астраханского городского комитета партии Родионов с работы снят и ему объявлен выговор.

ДОБРЫЙ ДЯДЯ СИЛИЧЕВ

У директора Рудавского свиноводхоза (Курская область) Силичева — горячее отзывчивое сердце: уволили где-нибудь растратчика или чуждого человека — Силичев скажится над ним и приютит у себя в аппарате.

Управляющим отделением совхоза работал односельчанин Силичева, удивившийся за растрату в колхозе. Вухталгером работал помещик Григорьев. Племянника своей жены — Горбунова, уволенного из Белгородской МТС за неоднократные аварии на тракторах, Силичев нанял трактористом.

В то же время Силичев грубо и нечутко относился к специалистам и рядовым работникам совхоза.

Областной районный комитет партии, по материалам Крокодила, объявил Силичеву — члену партии с 1918 г. — строгий выговор и предупредил его, что в случае повторения подобных фактов он будет исключен из партии.

ГАРГАНТЮА ИЗ КОЛАРОВСКОГО РАЙОНА

Французский писатель Франсуа Рабле прославил себя бессмертным произведением «Гаргантюа и Пантагрюэль». И панацея Гаргантюа и сынок Пантагрюэль любил покушать.

Инспектор внутрорга Коларовского района, Днепропетровской области, Вейц, конечно, ни в какое сравнение с знаменитыми обжорами не идет, но и он заслуживает внимания нашей общественности. За довольно короткий срок Вейц проглотил 200 кг муки и 40 кг сахара. Остальные продукты, как например масло, сметана, поешедшие прямо с районного склада на кухню Вейцу, не поддаются учету.

Крокодил о «достижениях» Вейца поставил в известность областные организации.

Вейц сейчас с работы снят, и дело о нем передано следственным органам.

КАРИКАТУРЫ МЕНЯЮТСЯ

В 1933 году

В 1935 году

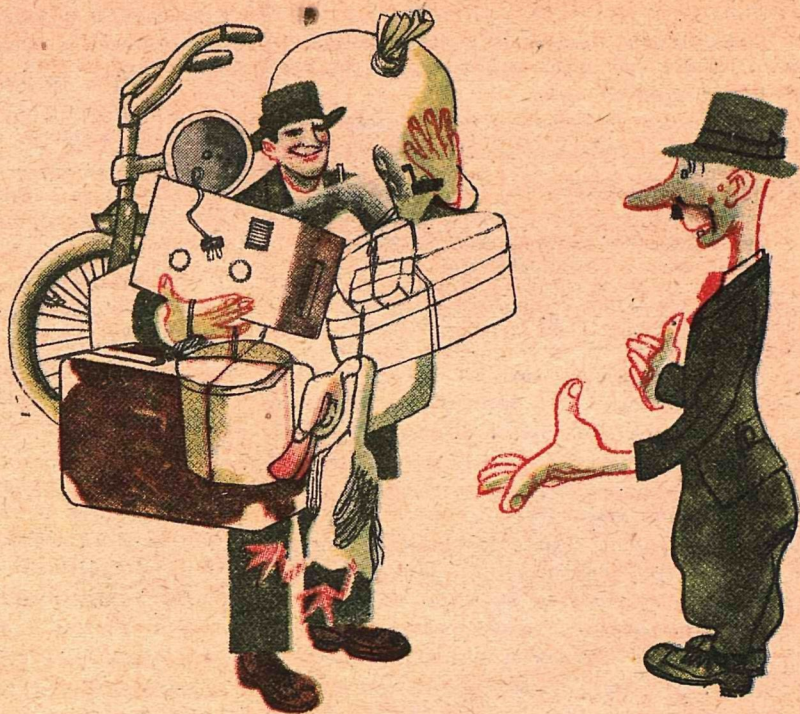
Рис. К. Ротова

(Напечатано в № 13 Крокодила за 1933 год)

— Купил?
— Достал!

Рис. М. Черемных

— Достал?
— Купил!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(письма читателей)

Дорогой Крокодил!

Омская база Резинотреста наднях вступила в мощную борьбу с природой и к зимнему сезону вместо бот и калош выпустила на рынок летние белые туфли на резиновой подошве. Туфли довольно изящны, но производят унылое впечатление, когда выглядывают из-под шубы, а кроме того, очень неудобны, особенно для глубокого снега. Нельзя ли через тебя списаться с крымской базой Резинотреста, которая, наверное, уже сейчас заготовила глубокие боты к будущей весне? Будем очень благодарны за такое посредничество.

**БЛИЗНЕЦОВ
ЛУМИН**

Омск.

Товарищ Крокодил!

1 ноября на ст. Мазан (Забайкальской железной дороги) я хотел сесть на пассажирский поезд № 97. Начали продавать билеты, но потом срочно вышло распоряжение: билеты могут получить только те, у которых есть на руках штрафные квитанции. Для этого, когда по-

дошел поезд № 97, нужно было успеть вскочить в вагон, заявить, что у вас нет билета, вам выдавали штрафную квитанцию, с которой вы и бежали к кассе. Немногие, конечно, смогли выполнить быстро и бойко всю эту акробатическую операцию, и поезд ушел, оставив у кассы целую очередь унылых пассажиров со штрафными квитанциями в руках.

Разрешите теперь мое недоумение: какому же пассажиру легче: который выполняет все распоряжения и не налетает на штраф, или, наоборот, беззаботнее и веселее оштрафованному?

А. БАРКИН

ст. Аягара, В.-С. ж. д.

Дорогой Крокодил!

Ты много писал о всяком принудительном ассортименте.

Ну кому там приложили абажур к брюкам или заставили солонку купить вместе с подтяжками. Нехорошо это, конечно, но с нами было хуже. Около года назад я и еще восемь человек решили купить себе балалайки. Играть хотели на них. И стоит

балалайка 30 рублей. Обошли мы все наши восемь магазинов на станции и упрямимся: «Выпишите балалайки». «Ладно,— говорят заведующие,— выпишем». И что же получилось?

Прихожу я наднях в магазин и спрашиваю: «Прислали?» «Прислали, получайте». И выдают мне контрабас стоимостью 1040 р. 29 коп. Я, конечно, обиделся. Денег у меня 1040 р. 29 коп. нет. Требую балалайку, а зав. транспортным орсом Данилеу меня еще укоряет: «Пора забыть о дурацких балалайках. Пора уже играть на высококультурных инструментах».

Что же теперь делать? Переквалифицироваться на контрабасиста и копить деньги или самому ехать за балалайкой?

Г. ПОДЧАСКИЙ

Ст. Никитовка, Донецкой ж. д.

Дорогой Крокодил!

В Москве ни в одном магазине нет намордников для собак. Значит, кусай, собака, кого хочешь? Я протестую.

И. ХАРИТОНСКИЙ

Москва.

Товарищ Крокодил!

Сообщаю тебе о единственном случае совершенно неожиданного распределения доходов в колхозе. Произошло это в с. Козловке, Ромодановского района, Молдавской АССР.

Когда председатель правления Банников прочел отчет о доходах, он деловито осмотрел собравшихся колхозников и авторитетно заявил:

— Вот что, чего там делить да высчитывать. Купим водки и разделим ее, кому сколько придется.

Собрание запротестовало, но ничего не помогло, и через день около правления остановилась подвода, груженная водкой. По списку выдавались пол-литровки. Непьющие тут же перепродавали водку пьющим.

Если тебе не жалко места для этих нескольких строк, товарищ Крокодил, помести их, чтобы прославить имя Банникова, так разрешившего задачу быстрого распределения колхозных доходов.

И. КИЧАЕВ

Ромоданово, Мордовская АССР.

„ШЕСТОЙ РАБОЧИЙ“

После сверкающей Смоленской площади тихая Плющиха кажется глухой провинцией. Одинокие прохожие. Подслеповатые фонари. Длинный фронт деревянных заборов.

Кинотеатр «Шестой рабочий» замечаешь не сразу. Издали его легко можно перепутать с пивнушкой средней руки.

Трогательная рамочка из пяти лампочек среднего накала обрамляет не менее трогательную рукописную афишку:

С 25 НОЯБРЯ В Фойе КИНОТЕАТРА ИГРАЕТ НЕАПОЛИТАНСКИЙ ОРКЕСТР ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ИВАНА НОВИКОВА.

Вторая афишка сообщает, что сегодня в «Шестом рабочем» идет фильм «Путь корабля». Три молодых человека, которым вместе едва ли набегит тридцать лет, внимательно изучают афишу, гремя медяками в карманах штанов. Подсчитав капиталы, они тушат свои папиросы и, спрятав окурки, входят в кино.

Последуем за ними. Правда, фильм «Путь корабля» мы видели еще полтора месяца назад в Художественном кино, от которого до Плющихи три минуты езды на метро, но здесь, в «глухой провинции», он самый последний боевик сезона. Ведь еще вчера в «Шестом рабочем» демонстрировали «Четыре визита Самюэля Вульфа», древнюю картину, прогремевшую в отдаленные времена на экранах Сарапула и Пятихатки. А до «Визитов» шли совсем уже исторические «Красные дьяволята».

В крохотном фойе, убранным с покушениями на перворазрядную роскошь («третий сорт ничуть не хуже первого»), стоит зvon и лягз. Это стараются неаполитанцы — партикулярные молодые люди в москвошвеевских пиджачках.

Прямо напротив неаполитанцев помещается буфет, то есть стойка, за которой сидит румяная девица и порой отпускает потребителю то булку, а то и конфету.

Направо от неаполитанцев — читальня, т. е. стол с газетами и мудренными профсоюзными журнальчиками, о существовании которых даже их издатели иногда узнают лишь в день закрытия. Непосредственно к читальне примыкает «комната отдыха» — пять столиков для игры в шашки. Они стыдливо прижимаются к сырой, холодной стене. Шашек, конечно, не хватает. Находчивые посетители, купив у румяной девицы булку, тут же мастерят себе из сырого теста отличные шашки. Впрочем, сраться в шашки все равно почти невозможно вследствие слишком громкой игры неаполитанцев.

Наконец, сеанс начинается. На закуску показывают кинохронику. На полотне — сентябрьская хроника: Иранский конгресс и состязания по бегу на стадионе «Динамо». Даже на экране как-то неприятно видеть голых спортсменов в декабре.

Начинается фильм. Тонет корабль. Изысканный эпроносец, похожий на мичмана Джона из популярного романа, отбивает жену у другого, не менее изысканного эпроновца. Потом они вместе едут поднимать затонувший корабль. Любовь, ревность, героика. Фильм как фильм. Средненький. Но беда в том, что добрую половину слов, произносимых героями, разобрать невозможно. С экрана в зал несетя нечто «простое, как мычание».

Пожилая женщина в платочке долго вслушивается в звуковую кашу и умозаключает вслух: — Наверное, артисты снимались пьяные.

ЧЕСТНАЯ ВЫСТАВКА

Один из стахановцев как-то выразился:

— Деньги-то у меня всегда есть, а купить на них иногда и нечего!

Я вошел в положение современного человека со средствами, получившего вдобавок квартиру, и подумал о мебелиной выставке. На выставке я подошел к одному из распорядителей и сказал многообещающим тоном оптовика-покупателя:

— Ну-с, показывайте!

— Пожалуйста, — сухо ответил он и указал на комплект мебели светлого дерева. Минская фабрика. Стол, стулья, шкаф. Наверху стеклышки, за стеклышками голубые занавесочки; занавесочки снять — будет без занавесочек... Треугольнички — инкрустация.

— Что-то нерадостно, — сказал я.

— Не всякая вещь для радости. — Он открыл дверцу шкапа. Полочки покоробились.

— А это клопы? — не желая показаться профаном, спросил я.

— Нет, это от клея. Работа грязная. Петли плохие и вкось привернуты.

Мы перешли в отдел стульев.

— Присядьте, — пригласил он. — Если рассыплется, заменим его другим.

Он посмотрел на стулья как на животных, томящихся в непривычном климате.

— Такой мебели холодок нужен, сырость; — объяснил он. — А тут сушь... Вот столы.

— Красивые столы, — сказал я, — волнистые... А почему они, собственно говоря, волнистые?

— Сушь, говорю вам, тепло! Фанера на них пузырится.

— А этот почему не пузырится? — Я указал на дорогой, симпатичный стол Союзмебели, коричневый, шашками, который я был бы не прочь увидеть у себя в кабинете.

— Бывает! — ответил он. — Вот этот письменный стол Киевмебели, Лакировка, конечно, сошла. Вы его не шатайте. На кресло можете сесть, спинка в обхват, но низка: если откинетесь, — поясницу сломаете. Так и свернетесь как полотенце...

— Вот этот набор Заплеспроснаббыта, — он сконфузился. — Начудили ребята без присмотра. Тут и Людовик, и всякие там пирожные...

Он меня подвел к дивной спальне из полированного седого ореха. Я ахнул.

— «Ах», но и цена ах! — рассудительно сказал он. — А вот я вам покажу кабинет Мосдревмебели. Недорого, и есть мысль. Кресло-отдых. Садитесь.

Не успел я сесть, как нижняя часть моего тела умчалась вперед вместе с сиденьем, а голова отлетела назад, за спинку кресла.

— Ну как? — прощупывая мои шейные позвонки, спросил он.

— Кажется, уцелел, — сказал я. — Но почему бы вам не написать здесь: «Опасно!»?

— Каточки слабы, — вздохнул он, — и низка спинка.

Мы перешли к детской спальне общества Интурист.

— Можем похвастаться, — сказал он. — Гигиена и простота. Цена шкапа — две тысячи.

Работа была прекрасная. Эмаль цвета слоновой кости.

— А подешевле? — жалобно спросил я.

— Есть и дешевле! Самый магазинный товар!

Он, оживившись, увлек меня в лабиринт шкапов и буфетов, в стиле «дореволюционная Сухаревка».

— Зачем это здесь? — разгневанно спросил я. — Фанерные пузыри, мешанские завитушки! Дайте мне то, что достойно нашей эпохи: красивое, простое и дешевое!

— И это есть, — с достоинством проговорил он. — Стулья и стол ЦНИИМОД.

Он подвел меня к небольшому столу, не очень, конечно, ровному (влажность дерева!), сосновому, крытому лаком.

— Вот, — сказал он. — Рационализация, новость. Без фанеры! Пузырей, как видите, нет, потому что, извиняюсь, стол голый.

Я рассказал ему про одного бывшего франта, пошедшего той же дорогой.

У него была лысина. Сначала он прикрывал ее за счет займов из скудных запасов на висках и затылке. Потом, когда этот источник иссяк, у него остались два выхода: купить дорогой парик или бледно светить голым черепом. Он пошел на рационализацию, на новость: покрыл лысину черным лаком, и даже с жилками и проседью.

Солидное решение есть только одно — обеспечить наш рынок запасом сухого дерева, а потом начать обрабатывать его по-стахановски.

А выставку мы похвалим за честность.

Что там втирать очки и показывать то, чего нет на рынке!

Е. ГРИБОВ

Увы, дело не в артистах. Артисты снимались трезвые. Дело в качестве звуковой установки кинотеатра «Шестой рабочий» и в качестве данного экземпляра фильма.

Конец. Выходим на узкий грязный двор. Тесно. Уже известные нам молодые люди закуривают свои припрятанные окурки, путаются под ногами.

Единственное достоинство плющихинского «рабочего кинематографа», размышляете вы, — его дешевизна: билет стоит 1 рубль 30 копеек.

И в ту же секунду замечаете исчезновение новых перчаток из кармана пальто. Один из упомянутых выше молодых людей быстро выскакивает на улицу.

Прибавив к цене билета стоимость украденных перчаток, вы убеждаетесь, что единственное достоинство плющихинского кинотеатра весьма проблематично. Чем же оправдано тогда существование подобных кинематографов в рабочих районах столицы?

МИХ. ДЕНИСОВ

Журнал-газета «За рубежом» помогает своему читателю понять все стороны зарубежной жизни. Зная, что совершается за рубежом Советской страны, следя за борьбой своих братьев — рабочих и трудящихся во всем мире, советский, новый человек еще ярче видит наши победы, еще радостнее становится ему жить и работать для создания бесклассового, социалистического общества.

ЕЖЕДЕКАДНЫЙ ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА

За рубежом

Под редакцией М. ГОРЬКОГО и Мих. КОЛЬЦОВА
В обширных и разнообразных рассказах, статьях и заметках лучших советских и иностранных литераторов, выдержках из иностранных газет, журналов, книг, писем, дневников, дипломатических документов, в карикатурах, фотоснимках, рисунках, в очерках показывает политику, экономику, культуру, быт всего мира.

В журнал-газете «ЗА РУБЕЖОМ»

ПРОПАГАНДИСТ, агитатор, профсоюзный и комсомольский активист найдут огромный фактический материал для организации докладов, бесед на международные темы.

ИНЖЕНЕР, квалифицированный рабочий, техник — обширные сведения о состоянии техники и науки за рубежом.

ВУЗОВЕЦ, рабфаковец, учащийся старших классов средней школы прочтут о жизни молодежи, познакомятся с образцами современной заграничной художественной литературы, почерпнут интересные популярные научно-технические сведения.

РАБОТНИК ПЕЧАТИ сумеет проследить, как действует кухня буржуазной прессы, как борется печать коммунистических партий.

КОМАНДИР, политработник, красноармеец найдут сведения о современном состоянии вооруженных сил буржуазии, о повседневной жизни зарубежных армий.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1936 ГОД.

Подписная цена:

36 номеров в год — 30 руб.

6 мес. — 15 руб.

3 мес. — 7 руб. 50 коп.

Цена отдельного номера — 1 руб.

Подписку направляйте почтовым переводом: Москва, 6, Страстной бульвар, д. 11, Жургазоб'единение, или сдавайте инструкторам и уполномоченным Жургаза на местах. Подписка также принимается повсеместно почтой и отделениями «Союзпечати».

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ

ВНИМАНИЮ ЗАВОДОВ И ФАБРИК ВНИМАНИЮ ПРОФОРГАНИЗАЦИЙ

С января 1936 г. начинает выходить новый всесоюзный массовый красочно-иллюстрированный двухнедельный журнал технического воспитания рабочих

„СТАХАНОВЕЦ“

В программе журнала: обмен опытом по стахановским методам работы в их связи с новой техникой; повышение технической культуры рабочих и техучеба; техническая консультация.

Журнал будет широко освещать новейшие достижения техники основных отраслей тяжелой и легкой промышленности СССР и передовых капиталистических стран.

Ответственный редактор Г. С. Добровенский.

Объем номера — 4 п. л. большого формата, на бумаге лучшего качества, с красочным оформлением, с массовым тиражом.

Адрес редакции: Москва, центр, Театральный проезд, 7, Лубянский пассаж, пом. 14, телефоны: 5-24-68 и 4-83-63.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1936 ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 12 руб., 6 мес. — 6 руб., 3 мес. — 3 руб.

Подписку направляйте почтовым переводом: Москва, 6, Страстной бульвар, д. 11, Жургазоб'единение, или сдавайте инструкторам и уполномоченным Жургаза на местах. Подписка также принимается повсеместно почтой и отделениями «Союзпечати».

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ

КОЛЛЕКТИВНЫМ СТРАХОВАНИЕМ ЖИЗНИ ОХВАТИМ ШИРОКИЕ МАССЫ ТРУДЯЩИХСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Организуйте страхование жизни в своем коллективе!

При коллективном страховании каждый застрахованный платит от 50 коп. до 3 рублей в месяц. Застрахованный при потере трудоспособности от несчастного случая или семья застрахованного в случае его смерти получают единовременное пособие от 500 до 3000 руб.

Только своевременная уплата взносов дает право на получение страхового вознаграждения.

Не забывайте в срок вносить сборщику платежи по страхованию жизни.

За справками обращаться в комиссию содействия госкредиту и сберегательному делу своего предприятия или в страховую инспекцию при районном финансовом отделе.

Рис. Б. Малаховского

50

РЕДАКЦИЯ ПРАВДА
2 6 ЧАСА 1955
И. В. ПАРЫШОВ

КОРОВА:—Когда подрастешь,—обязательно устраивайся не к моей доярке, а вот к этой!..